

Леонид
Подольский

СУДЬБА

Леонид Подольский
Судьба. Сборник прозы

«Издательские решения»

Подольский Л.

Судьба. Сборник прозы / Л. Подольский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906894-1

Книга «Судьба» Леонида Подольского — это сборник, в который входят роман «Эксперимент», повести «Судьба», «Дурмашина», «Сказ про Илью», «Лида», «Потоп», «Писатель», рассказы «Пленум ЦК», «Посвященный», «Воспоминание», «Случайная встреча», «Дурочка и Сизиф», «Старики», «Дом», «Московские каникулы» и «Вялотекущая шизофрения», написанные в течение последних 30 лет. В произведениях, при всём различии тем, есть нечто общее: они о России, о её людях, об их нелегкой судьбе, о её противоречивой истории.

ISBN 978-5-44-906894-1

© Подольский Л.
© Издательские решения

Содержание

Эксперимент	6
Воспоминание	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Судьба

Сборник прозы

Леонид Подольский

© Леонид Подольский, 2018

ISBN 978-5-4490-6894-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эксперимент (роман)

После разговора с заместителем главы администрации президента губернатор Садальский возвращался в область совершенно подавленным. На самом верху с подачи этого зам. главы решили поэкспериментировать, причём всего лишь над одной, губернатору Садальскому доверенной областью. Со слов зам. главы решение об эксперименте окончательное, в ближайшие недели Госдума должна принять соответствующий закон, но кто решал, почему и зачем, кто – за, а кто – против, этого губернатор не знал. Зам. главы ограничился неясными намёками, и от этого Садальский пребывал в полном смятении. Голова шла кругом от странных инициатив, решительно противоречивших всему прежнему губернаторскому опыту. Ощущение было такое – катастрофа, и она приключилась именно с ним, Садальским. Моментами губернатору хотелось ущипнуть себя за щёку и проснуться, забыть о случившемся как о дурном сне, выпить водки, но он тут же вспоминал – катастрофа. Катастрофа, катастрофа, катастрофа...

С тех пор как в моду вошла книга Зюскинда «Парфюмер», зам. главы администрации заглазно стали величать Парфюмером, но чаще – Ювелиром, а ещё чаще – Алхимиком. Подобно средневековому магу, этот придворный Макиавелли вечно искал философский камень: смешивал, разбавлял, соединял, разделял, стравливал, окроплял святой водой разные партийки и организации, занимался искусственным партстроительством, или тончайшими интригами. Естественно, за деньги налогоплательщиков. Иногда, увлечённый работой – не хватало только средневековой мантии, – зам. главы скромно величал себя политическим генетиком; но, бывало, охваченный воодушевлением и грандиозными планами, сам сравнивал себя с ювелиром, выращивающим в пробирке искусственные бриллианты. Работа его действительно отличалась тонкостью и изяществом, мало кто мог бы с ним сравниться в искусстве разнообразных политических комбинаций. Хотя, как всякий алхимик, зам. главы администрации нередко страдал от избыточной фантазии. Соответственно, из его рук не раз и не два выходило вовсе не то, что было первоначально задумано. Случалось, проекты Алхимика заканчивались скандалами, но значительно чаще – успехом, иногда даже триумфом, если подразумевать под триумфом сегодняшнюю победу, не думая о её последствиях. На сей раз политический гроссмейстер, хитрый, как евнух в султанском гареме, выдвинул идею столь же неожиданную, сколь и оригинальную – в отдельно взятой депрессивной области из недавнего красного пояса выстроить модель демократии, непорочной, как Святая Дева, с губернаторскими выборами, с полной свободой СМИ, митингов и демонстраций, с развитым самоуправлением, с соблюдением всех прав человека. В чём был замысел Алхимика – соорудить громоотвод или обманчивую витрину, проверить непорочную модель в борьбе с коррупцией, было ли в задуманном нечто тайное, недоступное обычному уму или хитроумная интрига, верил ли сам Алхимик в свою утопию, – этого губернатор Садальский не знал, да и не мог знать (всего-то знали, получалось, человека четыре, не больше), зато зам. главы администрации подробно объяснил губернатору, что область может извлечь из эксперимента массу материальных приобретений. Правда, почему для эксперимента была избрана именно вверенная Садальскому область – не ради же каких-то гипотетических выгод и не для того, чтобы осчастливить губернатора, – этого начальник области так и не понял. Да и не до того ему было. Первое, что Садальский осознал: предстоят губернаторские выборы. Это было предательство. Несколько лет назад обещали, что их не будет. Губернатор и вёл себя соответственно, не очень считаясь с электоратом.

Закон об эксперименте ещё предстояло принять Госдуме, но зам. главы рекомендовал законодателей не ждать, безотлагательно готовиться к выборам и спешно внедрять эту самую непорочную демократию. Да, именно так и сказал: «внедрять непорочную демократию». Будто

какое-то машинное доение. Что могло означать это слово: «непорочную»? Неясную ассоциацию с Девой Марией, оговорку по Фрейду, как позже скажет Эдуард (сам губернатор никакого Фрейда не знал), или что-то ещё, например, тихую, управляемую, суверенную, послушную. Губернатор вообще засомневался, произносил ли этот чёртов Парфюмер, он же Алхимик, такое слово. Получалось, что он, губернатор, сходит с ума. Всё – бред, и непорочная демократия – бред, и у зам. главы – бред, и он, губернатор, тоже бредит. Типичная белая горячка. Впрочем, пока не так важно было, что такое эта непорочная демократия и с чем её едят; всему своё время. Пока же Садальскому казалось важным знать, почему именно в его области. За что такая напасть? Но ещё важнее казалось: начнут действовать без всякой бумаги, как приказывал зам. главы, область зашевелится, оппозиция, дерьмократы всякие, – тьфу, поднимут голову, набегут отовсюду, как тараканы, а там – отменят, передумают. Вот тогда – срам.

– Одно счастье, – мрачно рассуждал губернатор, – никто ещё ничего не знает и, значит, есть немного времени подумать и подготовиться. Хотя к чему готовиться? «Единой России», может, и вправду ничего не нужно, никаких лишних бюллетеней. Во-первых, что значит для них одна область, а во-вторых, в Москве, как в терему, сидит у них бородастый кнопочник, сам нажимает на клавиши и сам же считает. Зачем им какие-то жалкие бюллетени, вбрасывания, открепления, детские игры?.. Модернизация, нанотехнологии. А вот ему, Садальскому... У них в области всё по старинке. Провинция. Ещё недавно – красный пояс... Первым делом надо проверить рейтинг. Хотя, что с рейтингом неблагополучно, губернатор почти не сомневался. Главное, побыстрее настроить областную автоматизированную систему «Выборы». Важно не то, как будут голосовать, важнее, как станут считать...

Вообще получалось, что в Москве ничего как следует не продумали и не согласовали. Опыт Горбачёва их ничему не научил. В самом деле, с одной стороны, Алхимик запретил вбрасывать бюллетени, а с другой – губернатор сам единокорос и несёт перед партией персональную ответственность. Никто не отменял партийное задание: получить не меньше шестидесяти процентов. Не выполнишь – партбилет на стол, как в прежнее время, а можешь и вовсе остаться без губернаторства. Дальше – ещё хуже. Свобода демонстраций. С местными лимоновцами милиция как-нибудь справится. Их всего-то человек тридцать на всю область. Да и из тех половина учится или на заработках в Москве. А ну как прослышат про эксперимент и съедутся из всех дыр. Что тогда? Или скинхеды. До сих пор они не очень беспокоили местную администрацию, ну, убили год назад одного нелегального вьетнамца. Милиция с ними вполне договаривалась. Как бы негласный договор о ненападении и даже о тайном сочувствии. Всё-таки наши дети. А сейчас, как прослышат, отобьются от рук. Хуже того, оппозиция. Геннадий Михайлович в последние годы, когда демократов вроде бы выперли из политики – лишь в столицах слегка попискивали, – стал дышать свободнее, богател сам, помогал детям и не слишком беспокоился о рейтинге. Он знал, что народ его недолюбливает. Ну и что! Любило бы начальство. Та же администрация.

У народа и у администрации очень разные критерии. А сейчас набегут отставные оппозиционеры со всей страны. Все, кому не хватило тёплых мест, кому перекрыли кислород. Такая возможность побузить, поругать власть, поговорить о свободе и демократии, покопаться в грязном белье. Сметут ведь любого губернатора. Может, вообще не о демократии речь, не об эксперименте, а его, губернатора, решили подставить перед президентом. Или вообще убрать. Такая хитроумная интрига. Кто это придумал? Алхимик? Или кто-то другой? А зачем? Кому он мешал? Не лез в большую политику. Не высовывался. Брал, но довольно скромно, по-провинциальному. Не больше других, это точно. Да и могли ведь снять тихо. Зачем кому-то нужен скандал, выборы? Может, тут что-то замешано с коррупцией? Прямо какой-то неронов комплекс. Выпороть публично, устроить пожар... Или самоуправление... История с Соловьем... Не отсюда ли удар? Вряд ли, невелика пташка.

Чем дольше губернатор думал, тем сильнее терялся в догадках и тем больше ему представлялось пагубных последствий эксперимента. Те же СМИ. Конечно, местная телерадиокомпания и областная газета учреждены администрацией. Районная пресса тоже под контролем. К тому же генеральный директор телерадиокомпании с Сададьским дважды однопартиец – сначала в КПСС, а теперь в «Единой России», вместе начинали карьеру в комсомоле. И всё же. Тимпанов – тёмный человек, непонятный, ненадёжный. В перестройку был сначала ортодоксом, как и сам, впрочем, Геннадий Михайлович, входил в марксистскую платформу, в ОФТ, но потом, когда начался парад суверенитетов, перебежал к демократам. Призывал устроить среднерусскую республику, печатать свои деньги. Тоже мне Россель. К тому же, хоть сейчас виду не показывает, на Сададьского до сих пор в обиде, это точно. Метил в вице-губернаторы, но Сададьский его не взял. С редактором «Правды» ещё хуже. Этот мрачный, завистливый человек так и остался коммунистом, даже перейдя в единороссы. В своё время, как Селезнёв, хотел приватизировать газету и набить карманы, даже предлагал отступить Сададьскому, но губернатор не позволил – не хотел сам себе создавать оппозицию. Вот за это Чесноков и ненавидит Сададьского. Молчит, ждёт. Нет, здесь ни на кого нельзя положиться. Пока ты в силе – друзья, ослабеешь – загрызут. Ждут, когда выгодней предать.

Кроме тех, кто повязан мёртво. Тот же прокурор... Без дружбы с прокурором трудно выиграть выборы. Однако совсем недавно в области прокурора заменили. Вместо прежнего, Василия Ивановича, дружба ещё с комсомола, с которым много было переговорено и выпито, много общих дел сделано, прислали нового, молодого, непонятного. Сидит тихо, а что в душе – не подступишься. Трезвенник. Губернатор Сададьский этой заменой был, конечно, жутко раздосадован, особенно, что с ним не посоветовались, как всегда было принято, – под него копали, суки, – но сопротивляться не стал. Знал, бесполезно. Сил не было. Вертикаль. Он ведь не питерский, всего лишь назначенный губернатор из старых. Не выбранный, как раньше, народом, легитимный, а – назначенный по милости, торчащий винт в этой самой вертикали. Не губернатор, а шестёрка московская. К тому же приходилось признать: возраст. Он устал, в нём не было прежней энергии, прежней волчьей хватки. Обложили со всех сторон. Не оттого ли назначили эксперимент именно в его области? Беззубый волк не опасен. Если что, выбросят...

...Много чего передумал губернатор Сададьский за несколько часов дороги из Москвы – сначала в самолёте, потом на «лексусе» из аэропорта мимо кривых подслеповатых домишек с дедовской деревянной резьбой, со старухами и редкими стариками на скамейках, торговавшими только что собранными ягодами, яблоками и картошкой. Обычно в таких случаях губернатор всегда выходил из машины, здоровался, делал покупки, общался с народом, «поднимал хилый рейтинг», как остряли недоброжелатели, но на сей раз он велел не останавливать машину. Вместо этого губернатор в очередной раз мучительно перебирал в памяти десятки обстоятельств и всё больше приходил к неутешительному выводу: зам. главы администрации президента выдумал что-то совсем не то, он прожектёр и мечтатель, слишком азартный игрок, алхимик, вообразил Россию Европой, а его, губернатора, подставил под эксперимент. Что-то обязательно должно случиться. Народ, да что народ – народ всё больше привык копать в грядках, тут дело не в народе; но и администрация ко всем этим новшествам не готова. Ни чиновники, ни милиция. Никто. Не наше это всё. Россия, что хотят они от России? Сколько ни трать сил, сколько ни передвигай русло, поток тут же возвращается назад, в пробитое веками, старое и привычное. Люди приходят и уходят, вожди, цари, бояре, а русло всё то же. Авторитаризм. Патриархальность. Народу нужен крепкий хозяин. Губернатор с расстройства даже подумал было уйти, пусть разбираются без него, сами, а он – устал, ему не нужна никакая демократия – ни показушная, ни непорочная, ни даже суверенная. Никакая. Не нужны ему статьи в газетах, ни про него, ни про старшего сына. Губернатор совсем разнервничался. Лишь подъезжая к дому, к своему дворцу-крепости, хлебнув с полстакана коньяка из фляжки, кото-

рую всегда возил с собой, Сададьский слегка успокоился, решил – дело надо спустить на тормозах, аккуратно; главное, информацию цедить по каплям, постепенно. Если нельзя избежать перемен, реформы надо делать медленно и келейно. Незаметно. Строить эту демократию так, чтобы люди лишнего не знали. Имитировать. Будто строим, а на самом деле нет.

* * *

Вечером, оттянувшись по полной программе с водочкой, под лёгким градусом, губернатор сидел в семейном кругу – собственно, дети уже давно вылетели из гнезда, старший сын здесь же, в области, занимался бизнесом, строительно-водочный магнат, не без поддержки отца, конечно; младший – на государственной службе, не обижен; дочь замужем за крупным московским чиновником, ныне членом совфеда от области, так что при губернаторе оставалась одна пышнотелая супруга, напоминавшая формами жён покойных генсеков, с необъятными грудями, с пышными чреслами и массивным животом – и пересказывал свой разговор с зам. главы президентской администрации. От водки и плотного ужина настроение у губернатора существенно поднялось, он был почти весел, не видел всё, как раньше, только в чёрном свете и даже пытался фантазировать. Фантазировать он научился давно, ещё в комсомольской юности – от совещания к совещанию и от конференции к конференции, бросаясь лозунгами, рапортами и обещаниями, ещё больше на междусобойчиках, пошучивая, однако довольно осторожно, строго в меру (везде были уши) над единственно верным, – и сейчас, особенно под градусом, это доставляло ему удовольствие. Ради выпивок в узком кругу губернатор пристрастился ездить на охоту – пострелять дичь, а потом за царским ужином потравить разные истории и анекдоты. Говорили, что на охоте подвыпившему и весёлому губернатору удобней всего было подsunуть на подпись любую бумагу. Приближённые бизнесмены даже платили за это губернаторской свите по заведённой таксе. Впрочем, местные олигархи нередко и сами устраивали для губернатора пышную охоту или рыбалку. В данный же момент, приятно расслабившись, губернатор Сададьский сидел перед женой на диване и рассказывал о визите к Алхимику. К тому же повеселевший губернатор пытался использовать супругу как подопытную мышку – проверить на ней свой разыгравшийся юмор, как он будет воспринят окружением. Завтра Сададьскому предстояло произнести речь на малом совете. Твёрдо решив не распространять лишних сведений о предстоящем развитии демократических институтов во вверенной ему области, губернатор собирал только самых доверенных товарищей: двух своих молчаливых заместителей, помощника и несколько министров – финансов, строительства, сельского хозяйства, промышленности и СМИ. С последним губернатор был дружен ещё с советских времён и с глазу на глаз или в дружеском кругу величал его Геббельсом. Тот не обижался. Он и в самом деле был речист, изобретателен, циничен до крайности, умел из любой мухи сделать слона, а из слона – муху. К тому же отлично держал в руках журналистскую братию. Генеральный директор областной телерадиокомпании Тимпанов и редактор местной «Правды» Чесноков оба с ним были близкими приятелями. Правда, в отличие от Геббельса-первого, безгранично и слепо преданного фюреру, своего Геббельса губернатор втайне побаивался. Сададьский был человек недоверчивый от природы и ещё больше от опыта общения с людьми, сам был когда-то сексотом и потому полагал – вполне возможно, не без основания, – что в самый ответственный момент его Геббельс, по имени Виктор Филиппович, может предать без всякого зазрения совести.

Итак, расслабившись, слегка заплетающимся языком губернатор рассказывал жене:

– Представляешь, какие планы травит мне Алхимик. У вас, говорит, устроим что-то вроде игорной зоны, ну такое казино. Только вместо карт демократия. Митинги, демонстрации, «Россия без Путина», всё пожалуйста. Иди – не хочу. Ну почему, говорит, всё в Москве и в Москве, лесбиянки там, всякие гомики, правозащитники, да хоть национал-большевики. За что Лужкову такая привилегия? Надо по всей стране развивать гражданское общество. Теперь будут к вам ездить. Чтоб провинция не хуже столицы. Чуешь, говорит, какая вам

от этого польза. Ну я, словно пень, хлопаю глазами. А он объясняет. Лимонов с Каспаровым со своей гвардией, за ними корреспонденты – им жить где-то нужно, пить, есть, вот вам и малый бизнес. Коммуникации, интернет, рестораны, кафе, отели. Развернётесь, «Сапсан» пустим. А за Каспаровым с Лимоновым – туристы. Опять же, говорит, вы Каспарова как следует раскрутите. По-хорошему. Сити-чесс. Устройте международный турнир. Представляешь, говорит, не просто свободная зона, где всё воруют, а зона Свободы. Так и сказал, с большой буквы. Иностранцы обязательно поедут, ну там, разные наблюдатели, ОБСЕ, политологи, социологи, международные организации, журналюги, может, даже откроют университет. И сами не плошайте, Гайд-парк сделайте, как в Лондоне. В общем, давайте разворачивайтесь в духе модернизации. Может, третью столицу у вас сделаем – российской демократии и свободы. Первая – это финансовые потоки, чиновники, бюрократия, казнокрадство; вторая – имперская, кадровая, сам понимаешь – питерские; а ваша – демократии. Ну, тут я не выдержал, – выдал очередной, только родившийся экспромт губернатор, – говорю: «Столицу российской свободы лучше бы где-нибудь в Сибири, да хоть в Магаданской области. Нам-то зачем?» А этот смотрит на меня, красавчик, усмехнулся, потрепал по плечу. «Ну, ты с юмором у нас, губернатор, очень это нужное качество в нашем деле... В общем, крутитесь... Чтоб у вас были настоящие...» – Тут у Сададьского случился конфуз. – Фу, никак не вспомню, как он назвал. Ну, давай подсказывай, ты же пединститут закончила.

– Да что подсказывать? – не поняла жена, давно уже опасливо смотревшая на губернатора. Из долгого опыта совместной жизни она знала, что такие вот приступы бурной весёлости на грани и фантазирования могут закончиться скандально.

– Как что? Ты же знаешь, я книг не читал. Некогда было. Только Маркса – Ленина, и то в основном по конспектам. Фильм такой, помнишь... Шахматной доской по голове – и давай дёру. Гайдай не Гайдай... не помню. Прорабатывали его в ЦК, фильмы на полку... В общем, то ли гроссмейстер такой, то ли прохиндей, не помню...

– Остап Бендер?

– Может, и Остап Бендер. А город-то какой?

– Не знаю, – вздохнула жена, – я что, всё обязана помнить?

– Так ты бы узнала у знакомых или в Интернете, – поручил губернатор.

Супруга, тяжело вздыхая, принялась звонить знакомым, осторожно расспрашивать, чтобы, не дай бог, не подвести губернатора. Когда она наконец выяснила, что речь идёт, скорее всего, про Нью-Васюки, и вернулась в гостиную, губернатора там уже не было. Супруга обнаружила его в спальне. Губернатор, не раздеваясь, свалился поперёк кровати и спал как младенец, громко посапывая носом.

– Слава богу, – тихо произнесла губернаторская супруга с немалым облегчением и с минуту раздумывала, не осенить ли себя крестом, но не решилась и вышла, стараясь не шуметь.

* * *

На следующий день на малом Совете губернатор, стеклянно трезвый и оттого мрачный, докладывал сподвижникам обстановку.

– В общем, так: область попала под эксперимент, – сурово говорил Сададьский. – Решили нас осчастливить. Внедрить демократию в чистом виде. Везде, значит, суверенная, а у нас непорочная. Митинги, демонстрации, свобода прессы, выборы губернатора, честный суд, за «Единую Россию» никаких лишних бюллетеней. Ни-ни.

Сададьский обвёл подчинённых тяжёлым, немигающим взглядом воспалённых глаз. Соратники понуро молчали и несколько странно поглядывали на губернатора, словно тайно сомневались в его умственном здоровье. Будь они посмелее, пожалуй, даже стали бы крутить пальцем у виска.

– Да что вы так смотрите? – взорвался губернатор. Он хотел им бросить «крысы», но не посмел. Видя подавленное настроение ближайших к нему людей, Садальский даже не решился рассказать им вчерашний анекдот, с которым упражнялся на жене. Это зам. главы администрации президента разрешено шутить про Нью-Васюки демократии, а не какому-то провинциальному губернатору. Ну да... что можно Юпитеру... Он, значит, Юпитер, этот Алхимик, а губернатор – бык... – Я ничего не выдумал, а если голова едет, так не больше, чем у вас. Сумасшедшего не здесь искать надо.

Министры, заместители и помощник переглянулись.

– Беда, – сказал один из замов, почти губернаторского возраста, Пётр Иванович, уже начавший потихоньку собираться на пенсию. – За что такая напасть? За какие грехи?

– Да не надо причитать, – зло оборвал его губернатор Садальский. – Надо не причитать, а искать выход.

– Геннадий Михайлович, – робко обратился к губернатору другой зам, помоложе и поактивнее, Виктор Иванович, – вы ведь в курсе, что в декабре предстоят выборы в органы местного самоуправления и в Госдуму. И что депутаты решили совместить их с выборами в областное собрание. Чтобы, значит, одним махом. Это, конечно, можно переиграть, но...

– Что «но»? Говорите прямо, Виктор Иванович, – опять сорвался губернатор.

– На когда велели назначить выборы губернатора?

– Не позже декабря, – усмехнулся Садальский. – А чего тянуть? Победа или смерть! – вдруг выкрикнул он лозунг кубинской революции. – Но пасаран!

– Это хорошо, что на декабрь, – спокойно заговорил Геббельс, единственный из всех, кажется, не испугавшийся за своё место и не потерявший голову, – у нас достаточно времени. Другие кандидаты просто не успеют раскрутиться. Главное, держать в секрете... Если что, им можно устроить такую круговерть, такой конкурс, что вспомнят, где раки зимуют.

– Это точно, – поддержал помощник губернатора, – мочить их, гадов, надо. В туалете, – добавил помощник с присущей ему интеллигентностью.

Главное, – словно не слыша придурковатого помощника, – продолжал Виктор Филиппович, он же Геббельс, – надо пригласить хорошего политтехнолога из Москвы. Возьмёт не очень дорого. Они сейчас сидят практически без работы. Вот несколько лет назад, когда игрались в демократию, это было золотое дно.

Ни у кого из присутствующих, кроме Геббельса, никаких идей не было, все сидели молча, подавленные. А потому малый Совет вскоре закрыли, решив пригласить в срочном порядке политтехнолога из Москвы и держать всё в полном секрете.

* * *

Несколько дней спустя перед губернатором Садальским сидел московский политтехнолог. Это верный Геббельс заключил договор со столичной фирмой «Макиавелли Н». Фирма ещё недавно была широко известна и востребована на президентских, губернаторских и всяких прочих выборах, но в последние годы в связи с переходом к системе назначения губернаторов и отменой выборов по одномандатным округам была несколько подзабыта и редко упоминалась в печати. К тому же новый профиль деятельности фирмы – консультирование, лоббизм, составление сценариев поддержки пророссийских деятелей и сил в СНГ, а также практическая реализация межкорпоративных конфликтов, вплоть до рейдерства, – вовсе не требовал гласности. Впрочем, губернатора Садальского мало интересовало, чем занимается фирма «Макиавелли Н». Он лишь отметил про себя, что, вопреки слухам об отсутствии у политтехнологов работы, этот столичный экземпляр, Эдуард, выглядел настоящим денди – элитная причёска от личного парикмахера, умопомрачительный тонкий запах духов, часы ролекс, по прикидке губернатора тянущие чуть ли не на миллион баксов, светлый костюм в полоску от Армани. Губернатор, отнюдь не ценитель – он всю жизнь пропахал на комсомольской, партийной,

хозяйственной и губернаторской работе и знал совсем другие запахи – хлева, водки, коньяка, чеснока, пота, сигарет, – был своевременно предупрежден разомлевшей секретаршей Розой. Перед этим денди Геннадий Михайлович даже почувствовал себя скованно и неловко в своём слишком плотном, насквозь пропотевшем, с коротковатыми брючинами костюме.

«Вот ведь демократия, – совсем не к месту подумал губернатор, – её ещё нет и в помине, одна видимость, а уже хочется быть лучше».

Эдуард, политтехнолог, между тем, пожав потную руку губернатора и обворожительно улыбаясь, сразу приступил к делу.

– Что же вы, Геннадий Михайлович, раньше о рейтинге не думали?

– Так ведь эти выборы будто снег на голову. Думал – номенклатура, а тут эксперимент, – стал оправдываться губернатор. – А что, совсем плохо?

– Рейтинг – девять процентов. Для сравнения, у Бориса Николаевича, если помните, факт широко известный, весной девяносто шестого было шесть. И ничего, выиграли. Кстати, как у вас с председателем облизбиркома? Надеюсь, в кармане.

– Неплохой мужик. Тоже наш бывший партиец, – сообщил губернатор, не уточнив, в какой именно партии состоял председатель облизбиркома. – Только одна беда. Москвы сильно боится. Всё ездит в администрацию.

– Москва нам не помеха, – заверил Эдуард, записывая что-то в свой ноутбук. – Отныне до конца избирательной компании мы будем регулярно с вами встречаться. Вот увидите, к выборам вы сами себя не узнаете, станете совсем другим человеком. Начнём, пожалуй, с костюма.

– Народ, говорят, любит, когда политики носят костюмы фабрики «Большевичка», – засомневался губернатор. – Область у нас небогатая.

– Да враки всё это, – не отвечая прямо на замечание губернатора, рассмеялся Эдуард, – будто Союз распался из-за нарядов Раисы Максимовны. Народ любит молодых и красивых. Политики – те же артисты. А теперь хочу вам объяснить. Девять процентов – это ваш активный рейтинг. Мало. Но зато отрицательный рейтинг всего двадцать два. Намного лучше, чем у Зюганова и Жириновского. Тут парадоксальная по-своему картина. Вас в области плохо знают. Почти двадцать процентов даже не могут вспомнить фамилию губернатора. Сидит там в местном Белом доме какой-то чиновник от президента, раньше его же выбирали, ну и пусть сидит. Он служит президенту, у них там своя жизнь, у нас – своя. Борьба за существование. Нам до этого губернатора никакого дела. Ещё почти пять процентов думают, что вас уже заменили. Полное отчуждение от власти. Разве что бабушки по очень древней советской привычке ходят к чиновникам и сидят в бесконечной очереди. Да ещё прикормленные бизнесмены, ну эти, понятно, с чёрного хода. Для страны эти двадцать пять процентов – трагедия, а для нас, политтехнологов, перспективный электорат.

Эдуард раскрыл свой ноутбук, и перед губернатором замелькали какие-то таблицы.

«Однако как же он успел? – с восхищением, удивлением и завистью подумал Садальский. – Всего два дня, как приехал. Что значит современное образование! Видно, этот Эдуард за границей учился вправлять мозги. Не наша дребаная партшкола плюс заочный сельхозинститут. Думали – грамотные, марксизм-ленинизм, а оказалось – Ваньки. В грамоте-то и проиграли, долдоны, со своим авосем».

– Вот, смотрите, – говорил между тем Эдуард, – шестьдесят два процента потенциальных избирателей считают вас коррупционером.

Губернатор схватился за голову.

– Зато целых двадцать восемь верят в вашу честность, – продолжил Эдуард, не обращая внимания на отчаяние Садальского, – а ещё десять пока не определились.

– Ну случалось, конечно, – мрачно сказал губернатор. У него было такое ощущение, будто земля и небо одновременно закачались и поменялись местами, – даже в крупных размерах. Так покажите мне хоть одного святого.

– Геннадий Михайлович, вы и есть этот святой человек, – не скрывая удивления провинциальной наивностью губернатора, обворожительно улыбнулся Эдуард, – это просто поразительно замечательный результат. Прямо для русского Гиннеса. Мы проводили аналогичные исследования в Москве и в ряде других регионов, там цифры намного хуже. Это во-первых. А во-вторых, почти девяносто процентов из этих шестидесяти двух готовы отнестись с пониманием. Кто не пьёт и не берёт – тот не наш человек. Люди не верят, что в близком будущем можно искоренить коррупцию. Теперь дальше. Мы опросили об отношении к вашим правительственным чиновникам. Каждые три человека из четырёх, семьдесят пять процентов, считают их не только коррумпированными, это бы ещё ничего, кто не берёт, но и совершенно бездарными. Это ваш балласт и соответственно резерв.

– Ну? – снова помрачнел губернатор. – Что мне прикажете с ними делать? Будто другие будут лучше. Хоть из Питера автобусами вози.

– Геннадий Михайлович, – настойчиво сказал Эдуард, – другие не будут лучше. Но это будут другие. Народ будет доволен. Наша главная цель – победа на выборах.

– Да, – согласился губернатор, – это, конечно, самое главное – победить на выборах. Вот она как действует, демократия.

– Я рад, Геннадий Михайлович, – удовлетворённо сказал Эдуард, – что мы с вами мыслим одинаково.

Вы талантливый человек, из тех немногих, кто всегда у власти, при любой системе. Так вот, хочу напомнить – вы их сами, конечно, знаете – некоторые универсальные приёмы избирательной стратегии. Первое: надо ругать Москву. Сами знаете, народ Москву не любит. Наездили в своё время за колбасой. Они там живут раза в три лучше, а может, и в пять, все – миллионеры. Опять же, чиновники, олигархи, мошенники, бюрократия, коррупционеры – все в Москве. Жируют за счёт провинции, в Куршевеле ездят. Лужковская надбавка. А почему спрашивается, лужковская? Он что, не из бюджета, а у Лены Батуриной взял? Словом, не любят у нас Москву: межрегиональное неравенство, на этом можно смело надувать рейтинг. Второе: чиновники. Народ любит, когда небожителей спускают с Олимпа. Тем более вы сами знаете им цену.

– Троих не хватит? – прохрипел губернатор. С одной стороны, его раздражал этот вылощенный, самоуверенный, циничный молодой человек; губернатору хотелось встать, взять этого столичного франта за шиворот и выкинуть из кабинета. Но, с другой, времени до выборов оставалось катастрофически мало; губернатор знал, что давно растерял любовь народа, он и раньше ругал Москву но это уже не помогало; притом никаких свежих мыслей у Сададьского не было, он чувствовал, что в команде давно назрел кризис, чиновники заматерели и обленились, от эксперимента вот-вот побегут сами, как крысы. Наворовались. Насытились. Опасаются, как бы чего у них не отняли. Гласность для этих гадов – смерть.

Неожиданно губернатор Сададьский рассмеялся. Он смеялся долго, почти истерически, до колик, брызгая слюной и трясясь всем плотным своим, сверхцентнерным телом. Представил, что Парфюмер – с чувством юмора у того всё было в порядке, даже слишком, – просто пошутил для собственного удовольствия, может, заключил пари. И тут же перепуганный губернатор, то есть он, Сададьский, из-за глупой шутки уволил чуть ли не всю свою тёпленькую администрацию. Какое ноу-хау по борьбе с коррупцией властная шутка. Даже угрозы никакой не было. Так, с шуткой – насчёт выборов и гласности – можно вычистить всю Россию, все авгиевы конюшни. Вот тебе и шутки. Да, смешно. Получается, демократия и гласность – страшная сила. Как рентген. Но самое смешное, если выборов в результате не будет. Царская шутка. Чистый Гоголь. Россия.

Губернатор смеялся, всхлипывал и стонал, потом вдруг оборвал смех. Так же внезапно, как начал смеяться.

«Нет, Алхимик не шутил, – одёрнул себя губернатор. – Это нервы. Воображение разыгралось. От усталости и алкоголя. Надо бросать».

Всё последнее время губернатор ощущал усталость. Охота и выпивки – стезя очень многих российских начальников – не спасали. Он первый не выдержит эксперимент. Во все эти штучки – в демократию, гласность, свободу – пусть играют молодые. Садальский почувствовал слабость. Слегка закружилась голова. Захотелось сдать, довериться этому молодому нахалу, во всём согласиться с ним.

«Пусть это всё будет – свобода, демократия – только лет через двадцать или пятьдесят, – успокаиваясь, подумал губернатор, – не при мне».

– Трёх ваших главных министров: промышленности, сельского хозяйства и строительства, плюс много кого помельче. Дела в области швах, вот пусть они ответят. Народ должен видеть твёрдую руку, – продолжил разговор Эдуард, дождавшись, когда приступ у губернатора закончился.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Садальский. Эта лёгкость, с которой он согласился, удивила самого губернатора. Однако совет был чёткий, ясный, по крайней мере не нужно было ломать голову. – А теперь, Эдуард, я хотел бы ещё посоветоваться.

– Да? – Эдуард был весь внимание.

– Понимаешь, какое дело. У нас тут намечается зона свободы, хотя закон ещё не принят. Так вот... произошла утечка. Скорее всего, московские власти спешат избавиться или кто-то мне нарочно гадит. К мэру областного центра поступил запрос. А он без меня не решает. Лесбиянки и геи хотят провести фестиваль. Ну, там, красочное шествие, карнавал. В Москве, если помнишь, запретили. Правозащитники тогда подняли вой...

– Да это же подарок судьбы! – вскричал Эдуард. – Что Лужкову капут, то нам праздник. Геннадий Михайлович, запомните, с этого дня вы у нас главный правозащитник.

Губернатор Садальский оторопело уставился на политтехнолога. От неожиданности даже сердце забило неровно, с экстрасистолами. Губернатор хотел сунуть под язык валидол, но передумал, достал из шкафа бутылку коньяка и наполнил стаканы.

– За лесбиянок и геев, – с пафосом провозгласил Эдуард и хотел чокнуться с губернатором, но тот одёрнул свой стакан.

– Нет, ты сначала объясни, – попросил губернатор.

– Геннадий Михайлович, ваш рейтинг сегодня девять процентов, – как малому ребёнку стал объяснять политтехнолог, – вам просто нельзя без рекламы. После этого фестиваля, уверяю, рейтинг поднимется как молодой фаллос. К тому же мероприятие вполне безобидное. Это вам не нацболы, не какие-нибудь оранжевые.

– Отрицательная реклама, – с сомнением промямлил губернатор.

– Вас кто-то ввёл в заблуждение, – решительно возразил Эдуард, – отрицательная реклама только от Чубайса. Даже бен Ладена можно раскрутить.

– Ну ладно, давай выпьем, – недоверчиво согласился губернатор. Он чувствовал, что плывёт по течению, но ничего не мог и, главное, не хотел с собой сделать. Он давно, с самого прихода к власти Ельцина, был дезориентирован. Это будто не Советский Союз умер, а он, губернатор Садальский – тогда ещё не губернатор, а секретарь обкома – потерял голову и ориентацию в пространстве. Для него это в самом деле была геополитическая катастрофа. Остались одни слова, рефлекс, и самый глубинный из этих рефлексов – хапать. Многие годы он делал вид, держался, рулил, как делали вид, держались и рулили другие, не очень понимая, что надо делать, но душой он оставался в прошлом. Однако после разговора с зам. главы администрации президента что-то оборвалось в его душе окончательно, его подхватил поток,

и у губернатора больше не было ни выбора, ни сил выплыть самостоятельно. – Давай выпьем за наше сотрудничество и дружбу. Я тебе доверяю. Пан или пропал. Да поможет нам Бог.

Они чокнулись. Губернатор прослезился.

– Вот ещё что, – доверительно сказал Эдуард, когда они осушили по стакану – только, Геннадий Михайлович, давайте без галстуков.

Они сняли пиджаки, развязали галстуки и выпили ещё по стакану так что губернатору пришлось достать новую бутылку из запасника.

– Вот ещё что, Геннадий Михайлович, – вернулся к прерванному разговору последователь Макиавелли, – вам бы надо завести любовницу.

Политтехнолог сделал паузу, ожидая реакции губернатора, но её не последовало; человек из прошлого стеклянными глазами смотрел на Эдуарда, вероятно, даже не замечая его. Так и не дождавшись ответа, Эдуард слегка потряс губернатора рукой, чтобы тот не заснул, и вкрадчиво продолжил:

– Или хотя бы сделать вид, если не получится.

– Зачем? – напрягся губернатор.

– Мы с вами живём в мире имитации, – философски заметил Эдуард, – партии, выборы, демократия, умные политики, любовь к отечеству – всё имитация. Избиратели любят молодых и крепких, сексапильных мужиков. Горные лыжи – это имидж. Римляне говорили: любовь и голод правят миром. Страсти и голод, а вовсе не высокие идеалы.

Опрокинув ещё по полстакана, губернатор и политтехнолог начали испытывать друг к другу любовь, в лучшем, конечно, не опошленном, чисто духовном смысле. Садальский ощутил, что вот этот парень, этот денди Эдуард и есть его ангел-хранитель и что с Эдуардом он, губернатор Садальский, не заплутает в политических дебрях. Этот Эдуард, хоть и молод, очень непрост, он знает все двери и все тайные пружины власти. Обучен политическому чародейству. Свой человек в президентской администрации. А Эдуард почувствовал встречно – вот он, губернатор, это бревно, этот совок, и есть его шанс. В Садальском нет и малой доли той харизмы, психологической силы, упрямства, необузданной энергии, дешевой демагогии, жажды власти, демонстративного поведения, всего того, что называется одним словом – популизм и что было у сделавшего себя Ельцина, и всё-таки при случае из этого тѣхи, провинциального хитруна-тугодума, он сделает не только избранного губернатора, но даже и президента. Только сам губернатор об этом не должен пока догадываться. Может быть, даже никогда не узнает.

Итак, полное взаимопонимание было достигнуто. Теперь нужно было работать на опережение, пока демократический эксперимент в области оставался тайной. Началась, как чуть позже выпрещенно выразился губернаторский пресс-секретарь, подражая столичным коллегам, работа над документами. Эксперимент, задуманный походя в администрации президента, в течение дня превратился в грандиозный план перманентных демократических преобразований. Скромный областной город – в город Свободы; в короткое время он должен был преобразоваться в демократическую столицу России. Тень Марфы-посадницы зашевелилась и ожила, по крайней мере в воображении заговорщиков.

Между тем как губернатор и его политтехнолог работали и в то же время витали в эмпиреях и служили Вакху, охрана губернатора и его секретарь Роза находились в состоянии сильнейшего возбуждения. Было уже почти одиннадцать вечера, очередь непринятых посетителей и сотрудников в приёмной губернатора рассеялась, секретарь Роза, давно закончив макияж, с трудом отбивалась от звонков мужа, сидевшего в автомобиле у парадного подъезда с семи часов вечера и всё больше бесившегося от ревности. Как раз сегодня у Розы с мужем была десятая годовщина свадьбы, они собирались заехать в ресторан, там их должны были ждать друзья, но дверь губернаторского кабинета не открывалась, а Роза не решалась стучаться в дверь. К тому же её чуть ли не ежеминутно донимали губернаторские охранники, уже изрядно

пьяные, и водитель губернатора Вася, грозившийся всё бросить и уехать к чёртовой матери. Но больше всего ответственная Роза страдала из-за того, что дверь кабинета губернатора была заперта изнутри, что случалось редко, только когда губернатор впадал в запой, телефон не отвечал, радиосвязь и пневмопочта тоже не работали – неясно было, что по ту сторону двери случилось. Наконец Роза решилась и вызвала начальника охраны, местного Коржакова. Но этот бодигард, как и рядовые сотрудники, до одиннадцати часов вечера не терял времени даром и почти не вязал лыка.

– Стучись, – приказал он Розе, – ты тут деликатничаешь, а губернатора могли в это время убить. Этот Эдуард – очень подозрительный тип, американский шпион. Убьёт и улетит на метле.

Роза нерешительно подошла к двери губернаторского кабинета, хотела постучаться, но как-то само собой так получилось, что вместо стука она только слегка поскреблась. В ответ Роза опасалась услышать мат – губернатор всегда ругался матом, когда бывал пьян и когда Роза ему мешала, – но на сей раз из-за двери донеслось тихое и ласковое:

– Сейчас, сейчас, Розочка. Который час?

Роза даже не поняла от испуга, чей это был голос, губернатора или Эдуарда.

Примерно через полчаса дверь действительно открылась, и они явились народу, губернатор и его политтехнолог, в распахнутых рубашках с закатанными рукавами, без пиджаков и галстуков; они стояли обнявшись, пошатываясь и нежно поддерживая друг друга.

– Ну-ка, Васильич, неси коньяк, – приказал губернатор своему Коржакову – у меня не осталось ни капли.

Бодигард услужливо и с радостью разлил коньяк по стаканам.

– И Розе тоже, – по-отечески приказал губернатор.

– Геннадий Михайлович, если так будет продолжаться, я уволюсь, – пригрозила в ответ Роза, – меня муж пятый час ждёт.

Губернатор, не обратив на слова Розы ни малейшего внимания, – он, похоже, просто забыл о её существовании, – поднял свой стакан.

– За новую, великую Россию. За свободу и демократию. За самоуправление и независимый суд. Нам не нужны потрясения, нам нужна великая, свободная страна, – изрядно заплетаясь языком провозгласил новообращённый демократ. – Нас ожидают грандиозные события. Ждите.

Охрана не мешкая подхватила губернатора с Эдуардом, бережно на лифте спустила на первый этаж и почти на руках донесла до автомобилей. Губернаторский кортеж тронулся. Губернатор Садальский в приливе воодушевления опустил стекло своего «лексуса» и, высунув руку, хотел приветствовать подданных, но было уже темно, редкие фонари горели слабо, прохожих почти не было – лишь у винного магазина на одной из улиц несколько завсегдаев ответили на приветствие губернатора.

* * *

Несколько дней спустя на столе перед заместителем главы президентской администрации лежало донесение. Написанное, судя по всему, не слишком грамотным, но не лишённым проницательности человеком, заподозрившим в поведении губернатора нечто экзвизитное, это донесение уже побывало в определённом ведомстве, так что на каждой странице стояли все положенные грифы и аккуратной рукой были сделаны пометки и приписка в конце: «На ваше личное рассмотрение». «Ответственность», – чуть было не прочитал зам. главы администрации; от этой невольной ошибки вельможа усмехнулся, едва скривив в незаметной улыбке тонкие, злые губы.

Итак, эксперимент начинал осуществляться. Даже существенно быстрее, чем предполагал зам. главы. В Государственной думе изнывающие от летней усталости депутаты всё ещё не могли взять в толк суть эксперимента, домогались насчёт высочайшего одобрения, пытались перенести рассмотрение на осень, а губернатор Садальский, этот глубокий провинциал – собственно, именно поэтому он и был избран для эксперимента, – начал действовать. В области, малозаметное пока, начиналось смутное шевеление. Флюиды демократии, словно заразной болезни, появились в воздухе. Правда, до настоящей эпидемии было ещё очень далеко. Получалось, что зам. главы опять недооценил человека. С высоты своего ума и своего положения он, великий комбинатор, гроссмейстер, как сам себя мысленно называл, просчитывая разные комбинации, всегда допускал одну и ту же ошибку – эти людишки под ним на иерархической лестнице (далеко внизу – массовка, там тьма и сырость; но и те, что были ближе к зам. главы) казались ему примитивными пешками, но стоило только начать с ними партию, как они тут же пытались вылезть в ферзи. Не раз зам. главы администрации клял себя за высокомерие, но, увы, клял всегда *post factum*. Теперь вот этот ванёк, губернатор Садальский. Он, судя по всему, начинал проявлять признаки проснувшегося честолюбия. Синдром Ельцина, пока, однако, в слабой форме. Ещё один Железный Шурик... Заговорил по-столыпински. Ну что ж... пока всё было под контролем.

«Узкие людишки, – мысленно вернувшись к лежавшим перед ним бумагам, усмехнулся зам. главы. – Всё видят чёрно-белым. По-советски. Ментально они всё ещё там, перестраховываются по каждому пустяку». – Усмешка стала мизантропической, зам. главы брезгливо отодвинул донесение. Ничего неожиданного в нём не было. События развивались строго по плану. Зам. главы включил запись интервью губернатора. Слова были, как всегда у чиновников такого ранга, гладкие, правильные, пустые. Только очень внимательный человек мог уловить разницу. Чуть больше, чем в среднем по стране, про свободу и демократию, но в самом общем виде, без всякой конкретики. Просто как заклинание. Пожалуй даже, это место вполне мог бы прочесть Леонид Ильич. Несколько пассажей о самоуправлении, о правах человека, дальше вполне нейтрально о предстоящем фестивале сексуальных меньшинств – это будет хорошо встречено за границей, шокированной жёсткой позицией московских властей. Нет, всё в меру. Сдвиг если и был, то микроскопический. Пожалуй, изменения больше коснулись формы. Раньше косноязычный, часто говоривший невпопад, на сей раз губернатор Садальский точно следовал за бегущей строкой, да и текст был тщательно отредактирован, появились умные мысли. Чувствовалась талантливая рука режиссёра и спичрайтера. Странно, но в донесении об этом ничего не было.

– Я, кажется, догадался, – усмехнулся зам. главы. Он пододвинул к себе телефон правительственной связи и уверенно, на память набрал номер. – Алло, Сэм, – приветствовал зам. главы администрации.

На другом конце провода улыбался широко известный в околополитических кругах политтехнолог Сэм Лейкин, сын эмигрантов из СССР, вернувшийся в Россию в середине девяностых, президент влиятельной фирмы «Макиавелли Н», скандально прославившийся ещё в Америке. Там Сэм едва не устроил новый Уотергейт, правда, в масштабах одного штата. С помощью дорогих адвокатов Сэм чудом избежал тюрьмы и предпочёл вернуться на промежуточную родину предков, откуда они с трудом вырвались. С тех пор Сэм от Америки старался держаться подальше, хотя и сохранял на всякий случай гражданство. Зато в СНГ сэр Лейкин имел репутацию лучшего специалиста, никогда не проигрывающего выборы. Правда, недоброжелатели объясняли победы его клиентов не столько талантами сэра, сколько связями Сэма, обилием денег и подтасовками, но, увы, это известный факт – проигравшие почти всегда говорят о подтасовках. Итак, Сэм Лейкин был на проводе.

– Алло, Сэм, – говорил зам. главы администрации, – я не ошибся, это твой Эдуард работает с Садальским?

– Так точно, сэр, – с лёгким оттенком фривольности отвечал Сэм, – Садальский, между нами, дубина. Но обучаемый. У вас тут... да нет, у нас... никак не перестроюсь... люди очень талантливые. Всё впитывают в себя как губка. Но главное, сэр, грандиознейший эксперимент. Примите моё восхищение. Князь Потёмкин отдыхает. Ни в одной стране ничего подобного не было. Отцам-основателям не могло даже присниться. Хотел бы обсудить кое-какие новые идеи, сугубо конфиденциально.

– Хорошо, Сэм, – сухо пообещал зам. главы и положил трубку.

Нет, всё пока было хорошо и действительно под надёжным контролем. Сэм Лейкин, хоть и склонен к феерическим фантазиям, не подведёт.

«Как он сказал? Грандиознейший эксперимент? У вас страна великих экспериментов... Да, мы страна великих экспериментаторов – гордо подумал зам. главы, с вождением нарцисса, любуясь, долгим взглядом посмотрел на себя в зеркало, брюзгливо придвинул донесение и начертил мелким, разработанным почерком круглого отличника: «Информация рассмотрена. Эксперимент. Под личным контролем».

* * *

Между тем, вопреки первоначальным соображениям губернатора Садальского, удержать предстоящий эксперимент в тайне не удалось. То ли кем-то (не политтехнологом ли Эдуардом?) была запущена система строго дозированных утечек, то ли почти сверхъестественная индукция – словом, слухи, не очень, впрочем, определённые и не всегда понятные, выползли из губернаторской резиденции и принялись гулять по городу и области. Говорили самое разное. Что губернатора скоро снимут, что он разводится с женой и завёл себе любовницу, что его забирают в Москву на повышение, то ли министром по делам сексуальных меньшинств (вроде решили ввести такую должность по требованию Европы), то ли местного самоуправления или даже омбудсменом; ещё говорили, что новый президент решил вернуть губернаторские выборы, что области в центре дают огромный кредит и под этот, мол, кредит потребовали поменять министров, чтоб не растащили деньги, что председателя облзбиркома Тулинова переводят в Москву, и что там под него вместо Центризбиркома создают новое ведомство «Главвыборы», и что в области хотят устроить особую зону, что-то вроде зоны красных фонарей, – слухи шли кучно, как снаряды ложились всё ближе к мишеням. В сущности, в появлении слухов не было ничего сверхъестественного. Мысля вполне материалистически, можно было убедиться, что, по крайней мере отчасти, слухи не рождались на совсем уж голом месте и даже были как-то привязаны к реальности. В то время как область переживала летний зной и готовилась к жатве – для горожан обычное время отпусков, сезон, когда десятилетиями ничего не происходило, – в областном центре наблюдалась совсем не летняя активность, словно нервные флюиды были разлиты в застойном воздухе.

Во-первых, гастроли очень известной певицы. Причём воображение провинциалов потрясли не сами гастроли, а то, что случилось потом – в честь эстрадной звезды помолодевший и одетый с иголочки, в один импорт, губернатор устроил званый ужин в очень узком кругу без жены и даже какое-то время провёл со звездой в отдельном кабинете. Более того, во время ужина звезда выглядела сильно возбуждённой; об ужине в программе новостей сообщило областное телевидение, показало танцующего со звездой губернатора, а на следующий день с их фотографией вышла областная газета. Похоже, неспроста. Не бывает дыма без огня. Это был сигнал, подлежащий расшифровке. Фотография с губернатором в областной «Правде» в местном масштабе могла означать не меньше, чем близость к генсеку на трибуне мавзолея во время октябрьской демонстрации в прошлой, советской жизни.

Во-вторых, в прессу просочились сведения о встрече губернатора с зам. главы президентской администрации. Правда, о чём они разговаривали, можно было только догадываться. Зато в интервью две с лишним недели спустя губернатор Садальский, чего раньше никогда

не было, рассуждал о свободе, демократии, правах человека да ещё о каком-то гей-фестивале. Это не могло быть просто так.

В-третьих, оговорка министра финансов о дополнительных субвенциях. Почти одновременно заговорили об отставке сразу трёх ведущих министров. Причём на сей раз это оказались не слухи. Стало известно, что в Облдуму поступило соответствующее письмо от губернатора. И тут же вокруг письма закружилась интрига. Председатель областной думы Варяжников, давний конкурент и недоброжелатель Сададьского, попытался сплотить депутатов в защиту министров. Он явно почувствовал со стороны главы исполнительной власти неясную для депутатов хитрость, какой-то тайный, непонятный пока, но, несомненно, продуманный ход и попытался его заблокировать. Однако не вышло. Депутаты раскололись. Большинство не захотели выглядеть ретроgrадами перед избирателями накануне выборов и дружно ударили по чиновникам (подразумевалось – по коррупционерам), чтобы доставить изверившемуся электорату хоть маленькую радость. Спектакль, однако, получился громкий – с взаимными обвинениями, киданием стульев, мордобоем и даже с голодовкой протеста. Тут надо уточнить. Голодовку держали два самых отчаянных депутата, добивавшихся громкой известности, в то время как сами уволенные министры ушли тихо, без всяких протестов, и даже выразили губернатору благодарность. Но, самое странное, если раньше работа думы проходила в страшной тайне, то теперь скандал показывали в прямой трансляции. Электорат заводили и настраивали к предстоящим битвам. То было первое публичное лекарство от Эдуарда – борьба с многолетней сонной депрессией.

Наконец, пожалуй, самое интересное событие лета: официально было объявлено о предстоящем фестивале сексуальных меньшинств. Канцелярия губернатора по такому случаю выпустила специальный пресс-релиз со ссылками на права человека, на разные европейские конвенции и – не очень понятно, намёками – на происходящие в области процессы.

Почти одновременно внимание местных обывателей привлекло ещё одно загадочное событие – встреча в Москве председателя обллизбиркома Тулинова с Сэмом Лейкиным. Правда, до последнего дня никто в области, включая и самого губернатора, за исключением, может быть, всезнающего продвинутого Геббельса, даже не подозревал о существовании этого Сэма. Так вот, тут нужно кое-что объяснить. Как известно, любая демократия начинается со СМИ. Так и в области. Эдуард, с того самого дня, как они с губернатором, скинув официальные одежды, в полном восторге друг от друга и от громадьа планов, в обнимку, пошатываясь, вышли из высочайшего кабинета к народу, то есть к секретарше Розе и к охране, иначе говоря, с момента обращения язычника-губернатора в демократа новой волны, приобрёл на хозяина области Сададьского непререкаемое влияние, став его гуру, и первым делом конвертировал это влияние в неординарный телепроект. На областном телевидении появилась еженедельная аналитическая передача с интригующим и в то же время вызывающим ностальгию названием «Итоги», со своим Киселёвым и Доренко в одном лице, неким Максимом Плотниковым, которого Эдуард, а скорее, сам Сэм Лейкин, как настоящий фокусник, вытащил из рукава. Кем был раньше этот Максим Плотников, известно было довольно скудно и противоречиво – преподавателем философии, переводчиком и журналистом, но где и какую он преподавал философию, что, когда, для кого и с какого языка переводил, наконец, где публиковался и вёл репортажи – всё было покрыто тайной, хотя скорее не глухой, а полупроницаемой. Появились слухи – в Киеве, куда изменчивая судьба забросила на время немало кого из российских мэтров тележурналистики. Итак, этот таинственный Максим Плотников, лет тридцати пяти, элегантный, обученный хорошим манерам, полиглот, с поставленной бойкой речью и не слишком навязчивой склонностью к философствованию, горделиво прошагав победителем на фоне полуразрушенного областного Кремля и курантов, этот «мессия грядущей свободы», как в порыве восторга назвала его одна из близких к губернатору газет, открыл свой телебенefис. А вот этот самый телебенefис наполовину посвящен оказался вовсе не губерна-

тору как можно было бы предположить, а могущественному Сэму Лейкину, политтехнологу, владельцу и президенту знаменитой фирмы «Макиавелли Н», его взглядам на будущее вечно запаздывающей российской демократии и таинственной встрече с председателем облизбиркома Тулиновым. Особенно интриговало, что встреча происходила в закрытом, только для олигархов и высшего бомонда, ресторане, где цены за ужин, по сведениям Максима Плотникова, зашкаливали за несколько тысяч баксов, и что во время этого ужина, или вечера с диковинными яствами, как выразился Максим Плотников, ресторан на полчаса посетил сам заместитель главы президентской администрации. О чём разговаривали и о чём договорились Сэм Лейкин с Тулиновым, так и осталось за кадром. Известно было лишь, что после встречи Тулинов не вернулся в область, а отправился отдыхать в Сен-Тропе. На Лазурном берегу председателю облизбиркома предстояли якобы важные деловые встречи.

Яркий бенефис Максима Плотникова вызвал в области немалое оживление, множество разговоров и пересудов – интерес был значительно больший, чем можно было ожидать в глухой, Богом забытой провинции, где многие не столько живут, сколько кое-как перебиваются с огородов. Совсем странно – не меньше, чем к предстоящему фестивалю геев и лесбиянок. Получалось, тяга к политике не угасла, а мирно и терпеливо ожидала своего часа. И вот он пробил, этот час. Неизвестно откуда объявившиеся в области политологи иступленно спорили на телеэкране, как трактовать месседж Максима Плотникова и при чём тут Сэм Лейкин. Что хотел сказать новый властитель дум? Был ли это тайный намёк на закулису, критический залп против власть имущих, светские зарисовки, некий сигнал оппозиции, своеобразный анонс «Итогов», болезненная самореализация или... Тут мнения политологов разделились. Лишь после очень долгих споров они большинством голосов пришли к выводу что, скорее всего, показанный сюжет означал следующее: у губернатора и Кремля всё схвачено, облизбирком будет считать правильно и действовать так же, и, следовательно... здесь следовали разные стыдливые выражения, всякие эвфемизмы и ссылки на страны с развитой демократией, из которых можно было понять что-то вроде того, что... чужие здесь не ходят или нечто подобное. Но при чём здесь Сэм Лейкин? Символ американской демократии, её изгой или артефакт? Скорее всего, последнее, утверждали политологи после долгих споров. Что же, вместо демократии мы импортируем одни артефакты?

Значительно больше единодушия политологи проявили в похвалах свободе и суверенной демократии и даже признали, что свобода... создаёт свободного человека. Правда, новоявленные спецы рассуждали не слишком внятно, так что не все поняли, о какой собственно свободной личности идёт речь – о губернаторе Сададьском, бросившем перчатку Москве, о новой телезвезде или о Сэме Лейкине.

...Итак, процесс пошёл...

* * *

В Госдуме всё ещё спорили, всё оттачивали формулировки нового закона. Оппозиция сначала стояла насмерть против эксперимента. Прирученная, одомашненная, она предпочитала кормиться из рук, а не добывать пищу в жестокой конкурентной борьбе. Но потом по просьбе администрации изменила позицию на все сто восемьдесят градусов. Вице-спикер Жириновский даже объявил себя соавтором идеи эксперимента. Вспомнив молодость, в пылу споров он едва не отгаскал за волосы оппонентку из КПРФ. Ради эксперимента последний из могижан девяностых, не считая человека похожей судьбы, бумажного коммуниста Зюганова, даже почти поклялся – оставить болотную Думу, захваченную новой КПСС, и выставиться в губернаторы. Словом, в Госдуме ожесточённо спорили, пытались подсчитать дебет и кредит и вывести сальдо; ждали, куда качнутся качели, не изменится ли что в тандеме; они, как всегда, опаздывали, а в области – процесс пошёл...

Между тем процесс пошёл совсем неоднозначно. Так, во всяком случае, подумал губернатор Садальский, когда ранним утром – никогда раньше с девяностых годов такого не было – ему позвонил начальник областного УВД.

– Михалыч, – кричал мент в трубку – я предупреждал. Разболтались, к чёртовой матери. Игрушки какие-то... А всё эта дерьмократия. Доигрались, сукины дети. Разреши, Михалыч, я разгоню.

– Кого? – выругался про себя губернатор. – У тебя что, белая горячка?

– Там какая-то демонстрация. – Начальник УВД закрутил матом длиннейшую руладу.

– Ты узнай сперва, шизик, – ответно закричал в трубку губернатор, – что за демонстрация. За кого?

– Михалыч, не надо поступаться принципами. Надо разгонять, – настаивал начальник УВД. Он, похоже, был порядком не в себе.

– Ты что, Нина Андреева, бя... Окстись! – заорал губернатор и бросил трубку.

В последнее время губернатор захаживал в церковь и даже начал уверенно креститься, спасибо, что в детстве учила наперекор безбожной власти бабушка. Садальский в Бога не верил, но был тайно крещёный, теперь он носил крест – так было правильно, все губернаторы носили и даже сам хитроумный, не верящий ни в Бога, ни в чёрта Алхимик. Вот и сейчас губернатор сказал начальнику УВД области «окстись», хотя сам не знал толком, что это за слово такое и что оно обозначает. Подразумевалось: сиди тихо и не высывайся.

Однако с демонстрацией надо было что-то решать. Не дай бог, набедокурят, устроят какую-нибудь революцию, дойдёт до Москвы. Демократия демократией, а по головке не погладят всё равно. Одно слово дерьмократы. Что это могут быть совсем не демократы, в голову губернатору не приходило. Он бы, пожалуй, тоже действовал как попроще – разогнать, и дело с концом, но в последние дни губернатор Садальский привык ничего не предпринимать, не посоветовавшись с Эдуардом. К тому же и сам он теперь был лидером демократического эксперимента, то есть вроде как демократом. Интересно, что сейчас делает Эдуард, почему не звонит, почему ничего не предпринимает. Надо было спешить, пока события не вышли из-под контроля.

– Что там случилось? Что за демонстрация? – вместо приветствия поинтересовался губернатор, поспешно садясь в свой «лексус», у водителя с охранником.

– Да ничего там не случилось, – отвечал охранник, двухметровый амбал, едва помещавшийся рядом с водителем, неожиданно высоким, не по фигуре, слегка охрипшим голосом. – Два пикета сопливых. Какие-то идиоты. Вам Грачёв звонил? Так он третий день не просыхает.

Вскоре губернатор убедился, что демонстрации и в самом деле не было. Было, действительно, два пикета, стоявших по разные стороны местного Белого дома, метрах в двухстах один от другого, и, судя по всему, враждебных между собой. Над одним из пикетов колыхался плакат: «За права человека!»; в пикете стояли человек шесть-семь, время от времени к ним подходили прохожие и расписывались в каких-то бумагах. Над другим пикетом, расположившимся у противоположного торца, активисты держали сразу два плаката: «За Советский Союз!» и «За Родину, за Сталина!»; людей в этом пикете было примерно столько же. Губернатор Садальский, обзрев поле идейного противостояния, сплюнул от осуждения, выругался и, больше не проронив ни слова, в сопровождении охранника-амбала направился в Белый дом, который, вопреки принятому названию, был вовсе не белым, а грязно-серого цвета. Поднявшись на лифте на губернаторский этаж, Садальский сразу направился к Эдуарду. Тот был официально назначен на должность главного советника губернатора по имиджу (недрузи губернатора острили – на должность серого кардинала; поговаривали – спецпредставителем Москвы и даже – Татьяной Дьяченко), поэтому кабинет Эдуарда со спецсвязью находился прямо напротив губернаторского. Эдуард, ожидая губернатора, развалился в кресле и развлекался тем, что

подбирал к портрету Сададьского разные бороды, делая его попеременно похожим на Карла Маркса, Николая II, Фиделя Кастро и бен Ладена.

– Ты тут какой-то хреновиной занимаешься, – рявкнул, не здороваясь, губернатор, – а там, не видел, что ли, два пикета... Пошло-поехало, доигрались... Как в Москве в девяностом году...

– Геннадий Михайлович, это ваш шанс. Я телевизионщиков вызвал. Как раз вечером передача у Плотникова, – сохраняя ледяное спокойствие, едва обернувшись, сообщил Эдуард.

– Что? – взвился губернатор. – Да я с этим прохиндеем...

Что он с этим прохиндеем и отчего вообще Максим Плотников прохиндей, губернатор не знал и потому оборвал свой крик на полуслове.

– Что с пикетами делать, подскажи. Генерал этот хренов меня достал. Хочет разогнать. Эдуард решительно поднялся.

– Геннадий Михайлович, это я организовал для вас пикеты. Надо показать народу как вы умеете разговаривать с людьми. А пьяного скалозуба – срочно на пенсию, пока не наломал дров.

– Какого Скалозуба? – забыл про генерала потрясённый губернатор.

– Вашего, эмвэдэшного. Грибоедова не читали? За каждого динозавра – от двух до пяти процентов рейтинга. На президента с премьером посмотрите, учитесь.

Пример президента с премьером подействовал на губернатора неотразимо. Сададьский даже забыл, что у генерала Грачёва тесные связи с местными авторитетами и что поэтому мент ему, губернатору, очень даже нужен.

Минут через пятнадцать, едва прибыли журналисты с камерами, губернатор Сададьский, тщательно причёсанный и одетый в такую же, как у пикетчиков, курточку, вышел к народу. На ступенях Белого дома, чтобы усилить эффект, губернатор задержался на несколько мгновений – телевизионщики напряглись: в какую сторону пойдёт глава области, налево, к правозащитникам, или направо, к патриотам, имело символическое значение. Губернатор оказался на высоте казавшейся неразрешимой задачи – повернул налево, пообщался с правозащитниками и даже, невероятно, подписал петицию об освобождении Ходорковского; затем пошёл направо, опять пообщался с народом, на сей раз, для равновесия, почти пятнадцать минут против десяти, и опять подписал петиции, сразу за Советский Союз, против олигархов и в поддержку прокуратуры против «ЮКОСа». Полный плюрализм.

Тут, однако, выявилась новая интрига. Оказалось, что в обоих пикетах стоят хоть и враждующие между собой, но родственники. Душка губернатор тотчас же предпринял челночную дипломатию, свёл и помирил родственников, сфотографировался со всеми на память – вечером Максим Плотников в передаче «Итоги», которую на сей раз не отрываясь смотрели не только своя, но и соседние области, величал губернатора ведущим и самостоятельным региональным политиком, готовым дать фору Москве. К тому же ещё и миротворцем. Миротворец – это запомнилось; запомнилось многократно повторенное, как удар головой Зидана в грудь Метерацци, рукопожатие разделённых политикой родственников. Новое прозвище накрепко приклеилось к губернатору. Никто не вспоминал больше, что в прежние годы губернатора, бывало, называли Жлобом.

* * *

– Итак, первый подвиг Геракла, растиражированный в эфире и доведённый до каждой семьи, совершён, – велеречиво, с присущим ему юмором, записывал в рабочем дневнике Эдуард.

Подвигов, однако, как известно, было двенадцать. Теперь губернатору предстояло сразиться – не с Немейским львом, Лернейской гидрой или Стимфалийскими птицами, – про-

тивник был значительно серьезней: цены. Цены не подчинялись губернатору и росли, вызывая ропот в небогатой области. Конечно, всё можно было валить на Москву, на Центробанк, на слабую антимонопольную политику – всегда валили, и справедливо, но можно было и выступить укротителем. К тому же, губернатору подвернулся случай. Посещая как-то районный городок, начальник области как бы невзначай зашёл в супермаркет. Магазинчик был небольшой, одно название, но цены – не то чтобы кусались сильнее, чем вокруг, но для тощих кошельков жителей райцентра явно были завышены. Старожилы ещё вспоминали очереди за колбасой по два двадцать и водку за два восемьдесят семь.

– Кто здесь хозяин? – наливаясь кровью, взревел губернатор по старой обкомовской привычке.

Трясущийся хозяин предстал перед губернатором.

– И директор ты? – продолжал бушевать Садальский. – Снять директора, сей же момент.

– Он что, должен снять самого себя? Как можно приказывать хозяину? Я, может быть, плохо понимаю по-русски, – изумился английский корреспондент, затесавшийся в свиту губернатора по приглашению Эдуарда.

– Олл райт, – усмехнулся Эдуард, – отлично понимаешь по-русски. Только мыслишь не по-нашему.

Действительно, никто, кроме англичанина не нашёл в распоряжении губернатора ничего странного. На глазах довольной публики свершалось чудо.

Хозяин униженно кивал и клялся тотчас же снять директора.

– И цены снизить на двадцать процентов, – смягчившись, потребовал губернатор. – Не снизишь – закрую.

Цены были снижены. Вслед за жалким супермаркетом – во всей области. Пусть и не на двадцать процентов. Только крупные сети закрылись на учёт. Правда, торжество губернатора над ценами было недолгим. Через несколько дней они снова начали расти, как отрубленные головы у Лернейской гидры. Но неизбалованная публика всё равно была довольна: во-первых, никто не ждал, что чудо будет долгим, зато губернатор показал кузькину мать торговцам и буржуям, а во-вторых, самые предусмотрительные и вёрткие успели на несколько месяцев запастись продуктами. Торжествовали и Максим Плотников с его районными корреспондентами – прекраснейшая тема для «Итогов», но больше всех – областная «Правда», некогда большевистская боевая газета. Воспользовавшись случаем, орган обладминистрации, как в советские времена, обличал капитализм, вспоминал Маркса и призывал губернатора декретом установить цены на социально значимые товары. Среди громких восторгов потонули голоса редких скептиков. Эти упрекали губернатора в волюнтаризме и плагиате – не он первый демонстративно боролся с ценами, как с ветряными мельницами, и снимал директора, – но, главное, в пренебрежении законами рынка. Даже называли всё это дешёвым шоу.

Между тем, войдя во вкус, губернатор продолжил совершать свои подвиги. В маленьком районном городишке, где жители, закон, местные депутаты, прокурор и даже председатель избиркома одинаково оказались бессильными перед воругой-мэром, стоило появиться губернатору, сверкнуть по-царски очами – и мэрич добровольно запросился в отставку. Не стал ждать отрешения от должности.

– Вот она, российская демократия, – иронизировал с экрана Максим Плотников, – приехал Хозяин и навёл порядок. Получается, у нас – хозяйская демократия.

Увы, среди множества довольных смещением мэричка и здесь нашлись недоброжелатели, всё те же высоколобые скептики, утверждавшие, что мэричка принесли в предвыборную жертву и что на самом деле он до последнего был тайной креатурой губернатора и его же, губернатора, дойной коровой. Почти двадцать лет служил губернатору верой и правдой, пока не отбил от рук.

– Что же мешало честному губернатору убрать его раньше? Ведь знал, что мэричек ворует! – восклицали высоколобые.

– Бог им судья, этим профессорам, кабинетным теоретикам, оторванным от жизни, – по-макиавеллиевски улыбались с экрана Эдуард и Максим Плотников.

«Профессора» – это звучало почти как Гайдар с Чубайсом. Народ из принципа не желал их слушать.

* * *

Между тем настал день срамного праздника. Геи и лесбиянки, со скандалом изгнанные из Москвы, съезжались в областной центр, щедро сорили деньгами, в благодарность к местному руководству обещали устроить особенно пышное и красивое зрелище. Плюс к тому ещё основать фонд поддержки собратьев, проживающих в провинции.

Аборигены тоже готовились. Посмотреть на Содом и Гоморру собрались не только горожане. Целыми семьями, с детьми, приезжали сельские жители, во множестве даже из соседних областей. Зрелище-то было невиданное, невероятное, едва ли инопланетяне могли бы вызвать большой ажиотаж. Съезжались журналисты и телерепортёры; немногочисленные местные терялись среди приезжих из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, во множестве были и гости из-за границы. Событие всё больше приобретало политическое значение. Никогда, пожалуй, со времени войны не звучала иностранная речь так часто на улицах тихого провинциального центра. «В этом областном городе вновь возрождается российская свобода», – гордо заявлял известный телеас, никогда не скрывавший свою нетрадиционную ориентацию, проделавший ради ренессанса российской свободы путь в несколько тысяч километров. Сам он в последние годы работал ведущим аналитиком на специальном канале для геев и теперь мечтал создать такой же канал в России. «Сексуальная свобода – неотъемлемая часть прав и свобод человека. С этой, частной свободы должен начаться великий путь к всеобъемлющей демократии», – вторил ему другой, не менее известный западный гуру, примерный семьянин, либерал и социалист. Впрочем, среди приезжих встречалась и публика другого сорта. Так, известный пастор-гомофоб прибыл специально, чтобы выступить с проповедью в передаче Максима Плотникова.

Неизвестно откуда – источник так и не был установлен – среди пишущей братии распространился слух, на следующий же день попавший на телеэкраны и в газеты, что областной центр решено превратить то ли в третью столицу России, то ли в особую зону. В столицу (зону) российской свободы, секса и казино.

Нельзя сказать, что местные жители не были консервативны и с полным одобрением относились к происходящему. Напротив, в отличие от безразличных, перекормленных зрелищами, занятых собой москвичей, потерявших способность удивляться и возмущаться, искусственно толерантных, провинциалы возмущались и осуждали иной раз даже весьма громко, но в то же время их влекло к себе дивное зрелище, они были возбуждены и горды, что выбор пал именно на их город, что именно их губернатор и мэр проявили независимость и разрешили такое, им было приятно оказаться в центре всеобщего внимания, импонировали стрекотание телекамер, иностранцы, деловитые журналисты у центрального телеграфа; им нравилось давать интервью, которые прямо на улицах записывали журналисты из многих стран, нравилось стать знаменитыми, и они, подыгрывая журналистам и телевизионщикам, размахивали флажками и цветами, кричали в объективы телекамер: «Свобода, свобода!», стояли вдоль улиц и приветливо махали руками. Многие к тому же уже успели или ещё рассчитывали прилично заработать. Да и было чему удивляться. Жители области, кто постарше, ещё смутно помнили обязательные майские и ноябрьские демонстрации, молодёжь же вживую их не видела никогда, то есть многолюдные демонстрации и акции в новое время, может, и были, но они проходили,

не оставив следа ни в душе, ни в памяти, вроде выступлений профсоюзов в поддержку работодателей. Да и что было вспомнить из прошлых советских лет: официоз, портреты партийных старцев, пустые лозунги, серых людей на трибуне, обязательно в шляпах (что был среди них и нынешний губернатор, все уже забыли), очереди за пивом по ходу шествия – сейчас же было иное: геи и лесбиянки, нарядно одетые, хотя и не без странности, – иные мужчины были с серьгами и в юбках, а женщины, напротив, в брюках, – шли весело, с криками, с речёвками на разных языках. Здесь действительно собралась вся Европа. Все были с цветами и воздушными шариками; вместо портретов членов политбюро над толпой развевались огромный презерватив и целующиеся губы. Чуть сзади несли плакаты: «Свобода начинается с секса!», «Свободным людям – свободный секс!» и «Однополые браки – шаг к свободе!». За ними, танцуя, двигались колонной полураздетые, накрашенные до неузнаваемости девицы, – говорили, что это подрабатывают студентки, – эти несли огромное полотнище: «Долой ханжество!». Вслед за девицами КамАЗы тащили карнавальные платформы – там был маскарад; люди с платформы, то ли женщины, то ли мужчины, бросали в толпу конфетти, стреляли пушки-фаллосы, молодым раздавали презервативы, пожилым – виагру и всюду гремела музыка. Наконец, на последней платформе публику ожидал ещё один сюрприз. Танцоры из Рио-де-Жанейро, мужчины и женщины, почти донага обнажённые, в бешеном ритме исполняли самбу. В дополнение в киосках вдоль главной улицы – Ленина – бесплатно угощали пивом. Понятно, что пиво лилось рекой. Но не кончалось; предусмотрительные организаторы пригнали ради праздника машины-цистерны. Лишь в одном месте скинхеды и некие православные граждане в чёрном хотели протестовать, а может быть, и драться, но вскоре сникли от пива, всеобщего веселья и наглых ошущывающих взглядов дюжих гомосексуалистов и предпочли раствориться в толпе.

Геи и лесбиянки с презервативом, целующимися губами и плакатами прошли довольно быстро, платформы проехали; вопреки смутным ожиданиям провинциалов, никто не превратился в соляной столп; только праздник – остался. День был тёплый, солнечный, и люди до позднего вечера гуляли, пили пиво, горланили песни и танцевали – лишь несколько позже от Максима Плотникова они узнали, что это были осенние вакханалии. Ещё неделю после праздника потрясённые провинциалы слушали радио, смотрели телевизор (даже дежурство устанавливали) и покупали газеты – искали себя в танцующей толпе, среди пьющих пиво, дающих интервью, а бывало – дерущихся или мирно спящих на скамейках или прямо на траве, а то и посреди скверов и улиц.

* * *

А что же в этот судьбоносной день вхождения в европейскую цивилизацию, как выпендрено выразился всё тот же Максим Плотников, делал наш старый знакомец, губернатор Сададьский? В сопровождении охраны и неизменного Эдуарда он, разумно отказавшись от стояния на трибуне, общался с народом, то есть ходил по центральной улице, жал руки, обещал изобилие, достаток и снижение цен, торговцам – рай в отдельно взятом российском городе, пил со всеми бесплатное пиво и даже играл на ложках, но всё, как с восторгом сообщал в «Итогах» Максим Плотников, а за ним все областные газеты – исключительно в меру, без эксцессов, случавшихся с другими тяжеловесами. Замечено было также, – тут постарались глянцево-журнальные, – что губернатор начал активно худеть: уже не сверхцентнерный советский секретарь обкома, хотя и не стройный новорусский политик. Преображение, однако, началось и было зримым. Вместе с преобразованием менялся и рейтинг губернатора...

* * *

Через два дня после праздника Эдуард, как всегда, утром предстал перед губернатором Сададьским.

– Поздравляю, Геннадий Михайлович, – произнёс он слегка торжественно, – ваш рейтинг на вчерашний день почти сорок процентов. Как видите, мы успешно решаем задачу вполне мирными средствами: без войны, без взрывов домов и террористов. А ведь через неделю у нас ещё демонстрация ночных бабочек. – Губернатор тяжело вздохнул, Эдуард же напористо продолжал: – Я сообщил Сэму. Госдуме пора принимать пакет законов. Форса скоро заканчивается. Затягивать с выборами нельзя. Помните, по Ленину, вчера – рано, а завтра – уже поздно.

Эдуард расселся перед губернатором, закинул ногу на ногу и вытащил из сумки ноутбук.

– Теперь, Геннадий Михайлович, нам надо обсудить конкурентов. Самых опасных мочить перед стартом. Коммунист из капиталистов, бывший водитель Жириновского, справедросс – это, понятно, антураж.

– Немцов, Каспаров, Рыжков, Лимонов, Касьянов, – неуверенно стал перечислять губернатор, – все обиженные и отстранённые. Не дай бог, ещё Бабурин, Глазьев, Хасбулатов, Рогозин... Да кто же их знает, сколько их будет. На всю Россию одна область. Конкуренция больше, чем на президентских выборах... Все демократы и патриоты. – Губернатор снова тяжело вздохнул. Неизвестно, сколько останется от его однодневных сорока процентов. Неужели всех их мочить, всю Россию?

– Нет у нас ни демократов, ни патриотов, – с усмешкой отвечал Эдуард. – Есть люди, которые возомнили себя демократами или патриотами. В стране, где нет демократии, не может быть настоящих демократов. Демократами не рождаются, демократами становятся. Наша ментальность – большевизм. Что касается патриотов, помните Льва Толстого: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев». Классик, надо думать, имел в виду не любовь к Родине, а идеологию ксенофобства.

– А кто же у нас есть? – недовольно поинтересовался губернатор.

– Путаница в головах – вот это у нас есть. А если полусерьёзно – славянофилы и западники, многократно мутировавшие до неузнаваемости и распавшиеся на мелкие секты. Широты взглядов у нас больше нет. Это раньше болели за всё человечество. Узнаёте? Другой классик, изрядный, по-моему лицемер. Рассуждал о мировой гармонии, о слезинке ребёнка. Было когда-то – хотели землю в Гренаде крестьянам отдать, бредили мессианством, несли революцию на кончиках пик, мечтали Стамбул обратить в Константинополь, а нынче – плевать на всех... Кроме разве что братской Грузии... Кто же у нас есть, спросите. Ну... доморощенные либералы и государственники. Скорее, псевдо. Бедствие России – власть; не меньшее – оппозиция. Так что не считайте вы этих перелётных лебедей. Чужие здесь не ходят, при нашем-то избиркоме. У нас пока, – Эдуард сделал ударение на этом «пока», – губернаторские выборы, а не праймериз. Из возможных конкурентов вырисовывается только один, председатель облдумы Варяжников. Этот сукин сын может перебаламутить всю «Единую Россию». Так? Нам это нужно? Больше никого – пусто?

– Пожалуй, Варяжников номер один, – задумчиво согласился Сададьский, – единоросс, амбициозный, при деньгах, авторитет.

– Вот его и замочим. Прямо на взлёте. Пока он нам не нагадил. Помните историю с генпрокурором?

– Со Скуратовым? – заинтересовался губернатор.

– А историю с баней? – продолжал Эдуард, не отвечая на вопрос губернатора. – Баня – это русское минное поле. Убойный заряд для любого тяжеловеса. А уж хлипенького Варяжникова с рейтингом меньше десяти процентов разнесёт в клочья. А ещё?

Губернатор Сададьский, полускрыв глаза, долго сидел в кресле. Наконец сказал неуверенно:

– Соловей. Харизматик. Играл одно время в драмтеатре Гамлета. Успех, поклонницы, цветы – он возгордился и запил. Улетел завклубом в Пятихатки, самый дальний район. Не успокоился. Перебаламутил народ, стал избираться в мэры. Прежний мэр, единоросс, как раз погорел на коррупции. Народ его ненавидел. А этот – артист, оратор. Фонтан идей, то ли мечтатель, то ли провокатор, народный заступник, популист, сумасшедший. Всего понемногу. Адская смесь. Обещал для фермеров открыть рынок, выгнать перекупщиков, ну, понятное дело, навести порядок, посадить взяточников. Снизить цены вдвое, создать кооперацию. Стандартный набор. Называл себя демократом-ленинцем, митинговый трибун. Хозяина рынка грозился убить, выгнать из Пятихаток кавказскую мафию. Люди наслушались его речей и подожгли рынок. Соловья заподозрили и посадили, подстрекателя и демагога. Вот тут и началось. Демонстрации, митинги, воззвания, интернет, пикеты у обл администрации. Национал-патриоты объявили его своим русским героем, борцом с кавказской мафией, пострадавшим за русское дело.

Эдуард напряжённо, не перебивая, слушал губернатора.

– Ну и...

– А дальше – конфуз. Обвиняли по двум статьям. За поджог рынка и разжигание межнациональной розни. Оскандалились... Поджог не доказали. Свалили на среднеазиатов, вроде бы им не заплатили. Те явились с повинной. Не сами, конечно, доброжелатели привели. Разжигание розни тоже невнятно. Решили спустить на тормозах. Вышел из зала суда народным героем. Эдакий Илья Муромец. ДПНИ носил его на руках. Потом утихли, что-то у них не сладилось.

– Однако разве суд не стоит у нас над законом? – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнёс Эдуард.

Губернатор понял с полуслова.

– Выборы прошли к тому времени, он нам больше был не опасен. К тому же – народ... Народ у нас только с виду пассивный и безразличный. Не дай бог, сорвётся с тормозов. Да и Соловей договорился с прокурорскими. Обещал быть паинькой, утихомирить страсти.

– Значит, гнётся? – заинтересовался Эдуард.

– Гнётся, да не ломается, – задумчиво произнёс губернатор, – неглупый мужик. Демагог. Ванька-встанька.

– И где он, этот ваш Соловей? Так и сидит в Пятихатках?

– Вернулся в областной театр. Ролей у него теперь много. Театр тихо прогорал. Сейчас публика ходит исключительно на Соловья. Харизматик. Прославленный. Вроде затих с политикой. Но чем чёрт не шутит. При демократии всё может быть... Даже Гитлер...

– Да, – усмехнулся Эдуард, – современный Гриша Добросклонов, народный заступник... или Робин Гуд. Очень опасный тип. Народ на таких падок. Не разыграть ли нам этого Нерона?

– Что? – не понял губернатор.

– Мысли вслух. Кстати, Геннадий Михайлович, ваш главный областной антисемит, бывший философ...

– Ерзиков? – уточнил Садальский.

– Ерзиков, точно. Всё пишет?

– Пишет.

– Однолюб, – усмехнулся Эдуард, – это такой бизнес у наших патриотов – евреи. Не пойдёт на выборы? Не опасаетесь?

Губернатор недовольно передёрнул плечами.

– На одних евреях в губернаторы не проедешь. – Садальский поставил на стол бокалы и налил в них коньяк. Молча, не чокаясь, выпили. Приятное тепло разлилось по всему телу.

– Я, Геннадий Михайлович, по убеждениям либерал, – с неожиданной доверительностью заговорил Эдуард, обняв губернатора за плечи, – только недолголюбиваю наших либералов. За злостную дискредитацию идеи. Всё точно по Чаадаеву. Помните: «...Мы, можно сказать,

некоторым образом – народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок...» Урок, естественно, отрицательный. Это о наших либералах.

Заметив недовольство на лице губернатора Сададьского, снова налившего коньяк в бокалы, Эдуард резко сменил тему:

– Впрочем, вас это пусть не беспокоит. Вы – мой проект, а это больше, чем убеждения. Вам я предан, как Пигмалион Доротее.

Они выпили, помолчали и снова наполнили бокалы.

– Получается, что я для тебя Буратино, – опрокинув новый бокал, с пьяноватой обидой сказал губернатор.

– Скорее, крошка Цахес, – едва улыбнулся Эдуард.

События в области между тем шли своей чередой. В следующий же уикенд проходила демонстрация тружениц древнейшей профессии, собравшихся из многих городов необъятной страны. Мероприятие тружениц секса вызвало не меньший фурор, особенно среди молодёжи и мужской части населения, чем гей-парад на прошлой неделе. Снова в областной центр приезжали любознательные селяне и любопытствующие из соседних областей, опять лилось рекой пиво, бросали конфетти и раздавали презервативы. Все гостиницы и всё, что втридорога сдавалось в частном секторе, – всё было занято, рестораны заполнены, отовсюду доносились звуки оркестров, на всех улицах стрекотали камеры, бойко шла торговля. По случаю столь важного события торговцы устроили грандиозные распродажи. В музыке, вине и веселье рождалась третья столица России, город Свободы. Впрочем, как говорили остряки, не только столица свободы, но и секс-столица России.

Нужно отдать должное прагматизму и организованности ночных бабочек. Довольно быстро проведя демонстрацию и показав себя народу – ярко, но без излишеств, – они во главе с оргкомитетом, возглавляемым харизматичной и решительной, из бывших комсомолок, Мессалиной Андреевой, собрались на конференцию в областном театре по обмену профессиональным опытом и мониторингу соблюдения гендерных прав. Труженицы секса, надо сказать, проявили высокую пролетарскую сознательность. Уже через пару часов они объявили о создании Всероссийского профсоюза и женской партии Свободной любви и приняли соответствующие декларации.

– Первая ласточка, – радовались горожане, наслаждаясь бесплатным пивом и слушая трансляцию с конференции.

Штаб-квартиры профсоюза организованных тружениц и женской партии должны были разместиться в областном центре. Вот оно, рождение третьей столицы, начало экономического бума. Российский Лас-Вегас. Лиха беда начало. Все флаги в гости будут к нам. Тут же распространился кем-то пущенный слух, что на осуществление новых столичных функций Федеральный Центр обязался выделить крупные субвенции и что ночных бабочек крышуют очень высокие лица.

Правда, на сей раз не всё прошло гладко. Из-за многочисленных эксцессов даже пришлось вмешаться милиции. Началось с того, что некие религиозные граждане устроили пикет. Они развернули плакат: «На всякую Мессалину найдётся своя Агриппина¹» – и стали собирать подписи за превращение города и области в зону свободную от секса. Граждане, впрочем, стояли недолго. Явившаяся к ним самолично Мессалина потребовала:

– Если вы от имени господина Бога, давайте доверенность. А нет доверенности, улепётывайте... Святая Мария Магдалина, наша покровительница, грешила, а нам сам Бог велел.

¹ Мессалина – первая жена римского императора Клавдия, прославившаяся развратностью, была казнена по настоянию Агриппины, племянницы Клавдия, ставшей его второй женой. Агриппина – мать императора Нерона, известная тем, что отравила императора Клавдия, а позднее сама была отравлена по приказу Нерона.

Самозванные граждане под улюлюканье, крики и ругань ночных бабочек и их многочисленных горячих приверженцев поспешно ретировались, однако спокойствие наступило ненадолго. Совсем скоро на штурм театра пошли подвыпившие и разгорячённые молодые люди, среди которых, по данным милиции, оглашённым в тот же день Максимом Плотниковым, было немалое число сутенёров, встречно решивших утвердить собственный профсоюз. Несколько человек особенно буйных пришлось арестовать, остальных милиция оттеснила на площадь.

Страсти всё ещё бушевали, когда в здание областного театра в сопровождении охраны вошёл через чёрный вход председатель областной думы Евгений Андреевич Варяжников. Отважный депутат лучился от радости. Он был в восторге не только от общества настоящих профессионалок, но ещё и потому что на сей раз ему удалось обойти губернатора. В то время когда осторожный Садальский притворялся любящим супругом и сидел якобы у одра заболевшей половины, председатель облсобрания, оказавшийся в роли догоняющего, смело пошёл ва-банк.

– У нас, депутатов, и у вас, мои обаятельные, много общего, – заявил честный депутат под бурные, продолжительные и искренние аплодисменты, переходящие в нескончаемую овацию. От этой овации и от призывных, обещающих улыбок, от бурно колыхавшегося бюста Мессалины, сидевшей рядом в президиуме, от её дурманящего запаха, от родства комсомольских душ, – версий в последующие дни было высказано множество, вплоть до приёма алкоголя, – председатель облсобрания окончательно потерял голову и принялся обещать: пылкой любви между партиями, сотрудничества на выборах, построить в областном центре квартал Красных фонарей, для чего главный депутат пообещал, бросив все дела, с ближайшими коллегами, не откладывая, для изучения опыта отправиться в Голландию, в город Амстердам, а членам только что созданного профсоюза всяческую поддержку и помощь в регистрации, социальную и прочую защиту при одном-единственном условии – честно платить налоги. Закончив речь, председатель облсобрания долго не покидал девушек – снимался с ними на память, особенно сразу с двумя – с Мессалиной Андреевой и ещё с одной, молоденькой, похожей на модель, победительницей тут же проведённого конкурса на самую красивую, дорогую и неотразимую. Впрочем, с конкурсом, как вскоре выяснилось из прессы, да и всё от того же всезнающего Максима Плотникова, не всё было чисто – господин Варяжников, возглавив жюри, пролоббировал свою протее, с которой уже давно был в связи. Писали даже, что ещё до её совершеннолетия.

Да, получилось так, что председатель облдумы Варяжников, развлекаясь с ночными бабочками и думая больше всего о рейтинге, по легкомыслию даже не догадывался, что вокруг него натянута сеть и расставлены папарацци. Бывший авторитетный предприниматель по прозвищу Варяг давно привык, что все его боятся, и не испытывал ни малейшего ощущения опасности.

Напротив, он раздувался от гордости, глядя, как его снимают, и высокомерно поглядывал на журналистов, в которых видел только службу. Если Варяг о чём и беспокоился, так только о том, как к его похождениям отнесётся жена, с которой у депутата давно шла тайная война. Впрочем, он знал, чем её усмирить – деньгами, драгоценностями и угрозами.

Между тем как Варяг блаженствовал, ловушка захлопнулась. На следующий же вечер Максим Плотников, маэстро, как стали его называть, прямо на телеэкране превратился из вальяжного, самодовольного интеллектуала Киселёва в телекиллера Доренко и стал рассуждать о нравственности, об ответственности политиков перед электоратом и близкими, о том, что политик – не свободный человек, а раб на галерах, и заодно демонстрировать фотографии. Вот молодой восходящий политик Варяжников, в то время ещё Варяг, рядом с красавицей женой, вот они перед выборами возлагают цветы у Вечного огня, а вот он же, Варяжников, главдепутат, среди немецких гомосексуалистов, полураздетый – сдаёт им Родину; ещё фото – в обнимку с лесбиянкой; затем он же, Варяг, – защитник однополых браков, тьфу, потом целая серия – с проститутками, особенно со знакомой нам Сонечкой Лилевиной, порнозвездой, побе-

дительницей конкурса «Мисс свободная любовь», с подробным рассказом о том, кто такая эта Сонечка, с кем из известных людей успела побывать в постели и в каких трудилась вип-борделях. Получалось, не просто двадцатидвухлетняя львица секса, но – почти наверняка шпионка, новоявленная Мата Хари, специально заброшенная в область под предлогом создания партии Свободной любви. В заключение, вернувшись к основному герою, Максим Плотников продемонстрировал, что в руках у него отнюдь не случайные фото – вот вам и ролик из бани, снятый варяжниковскими друзьями, где наш герой-депутат, играя фаллосом, обнимает сразу две обнажённые натуры с безразмерной силиконовой грудью. А вот и ещё – Варяг и законник Миша, по прозвищу Муравей, оба голенькие в бане, в окружении обнажённых девиц пьют пиво. Занятно их развела судьба: Муравей, многим известный в области, ныне мотает срок, а Варяг заседает в парламенте.

Область, после многолетнего информационного воздержания посаженная на иглу плотниковских «Итогов», неотрывно смотрела в телевизор в состоянии чуть ли не сомнамбулическом: женщины, особенно пожилые, плевались, мужчины, не найдя других слов, матерились прямо при дамах. Теле-Люцифер, он же Кашпировский, он же Максим Плотников, вызвал в тихой провинции всеобщее помешательство.

Люди ещё не успели прийти в себя, всюду только и обсуждали «Итоги», сам герой пребывал в нокдауне и клялся разъярённой супруге, что всё это чистая ложь, геббельсовская пропаганда, как последовал новый удар. На сей раз это был журнал обладминистрации. Вообще-то журнальчик слыл вполне бездарным и выходил обычно тиражом не больше ста экземпляров. Его просматривали только высшие чиновники и аффилированные с администрацией местные олигархи. В городе журнал так и называли – для олигархов, сразу по двум причинам. Во-первых, он стоил очень дорого и в бедной области доступен был только крутым бизнесменам и важным чиновникам, получавшим его бесплатно. Во-вторых, в журнале обладминистрацией объявлялись разные конкурсы, исключительно для своих. Непосвящённым и неприближённым даже достать это чтиво было невозможно. Однако на сей раз журнал обладминистрации издан был огромным тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров и распространялся бесплатно: толстые стопки сверкающего глянец издания, отпечатанного в Финляндии, лежали в парикмахерских, на рынках, в магазинах; модный глянec раздавали даже в автобусах. В специздании обладминистрации были опубликованы известные по «Итогам» и совсем новые фотографии – спикер Варяжников с Сонечкой Лилевиной в костюмах Адама и Евы. Тут же, в журнале-бестселлере, помещены были фотографии банные – крепко подвыпивший Варяжников в развесёлой компании нудистов с девочками. Не меньше поразило провинциалов и то, что рядом с фотографиями приложена была справка из некой криминалистической лаборатории антитеррора о том, что все фотографии подлинные, без признаков монтажа. По всем законам государственная лаборатория не имела права производить подобную экспертизу и публиковать свои данные, но факты упрямая вещь – заключение было. Сага о бане распространялась по области как лесной пожар; журнал обладминистрации переходил из рук в руки. Вскоре те же фотографии появились в Интернете с весьма фривольными и вместе весёлыми комментариями. Продвинутый народ откровенно оттягивался. Студенты и школьники издевались над спикером на форуме. Некоторые, постарше, правда, заговорили, что вот, мол, вам и демократия, снова наступили на прежние грабли, вернулись в лихие девяностые. Не лучше ли нынешняя блаженная тишина?

Все ждали, что скажет прокуратура. Но, как всегда, прокуратура поначалу пыталась отсидеться, потом отступила и возбудила уголовное дело – то ли по поводу распространения порнографии, то ли по случаю вмешательства в частную жизнь. Расследование, однако, не заладилось, дело вскоре заглохло.

* * *

В том же номере журнала администрации, где несколько разворотов были посвящены амурам председателя заксобрания, была опубликована статья ранее малоизвестного доцента – экономиста Маликова, принесшая автору громкую известность. Доцент политехнического университета, а по совместительству ещё и новоиспечённый экономический советник губернатора, исследовал в горячем режиме влияние свободы и демократии, то есть только что начатого эксперимента, на экономику области. Местный Илларионов продемонстрировал поразительные результаты: между индексом ожидания свободы (ИОС) и экономическим ростом в области отмечалась прямая корреляция. Так, цены на недвижимость в областном центре выросли за месяц на восемь процентов, то есть, заключал доцент, каждый горожанин стал на восемь процентов богаче – и это в то самое время, когда в Москве и в других центрах, поражённых то ли кризисом, то ли посткризисной депрессией, цены на недвижимость уныло топтались на одном месте, а кое-где даже снизились на два-три процента. Поразительные результаты продемонстрировали туризм – почти тысяча процентов роста, – общественное питание, гостиничные и секс-услуги (последние, к сожалению, из-за пробелов в законодательстве ушли в тень), немалый прирост обозначился по продажам продовольствия и отдельных категорий аптечных товаров, по транспорту, строительству и особенно в пивоварении и торговле. Обнаружились также существенное снижение безработицы и, напротив, уверенный рост индексов потребительского оптимизма и ожиданий производителей. Ко всему, существенно возросло число людей, желающих жить или переехать в областной центр и, соответственно, уменьшилось число тех, кто хотел бы уехать. Причём, впервые за всё время наблюдений, число москвичей, стремящихся переехать в областной центр, в зону Свободы, достоверно превысило число провинциалов, жаждущих перебраться в Москву. Продолжая анализировать, доцент Маликов обнаружил положительную корреляцию между ростом ИОС (индекса ожидания свободы) и рейтингом губернатора Сададьского. Последний впервые за многие годы превысил пятьдесят процентов и обнаруживал тенденцию к вертикальному росту. Вместе с рейтингом губернатора рос и рейтинг правящей партии, правда, с серьёзным отставанием, зато рейтинг коммунистов рушился. Как и положено серьёзному учёному доцент Маликов из изложенного делал строгие выводы: необходимо и дальше развивать эксперимент и строить зону политической свободы (ЗПС), причём сильный экономический эффект ЗПС на развитие области связан с её уникальностью. Наличие нескольких ЗПС в России привело бы к размыванию эффекта в каждой из этих зон, хотя и усилило бы, скорее всего, общероссийский. Далее, утверждал доцент, необходимо ввести в ЗПС регулярный режим проведения митингов, демонстраций и других массовых мероприятий как общероссийского, так и международного масштаба. Например, отчего бы не проводить в областном центре совершенно безопасные митинги белорусской, грузинской, киргизской и всякой другой оппозиции, получая заслуженную ренту. И ещё, доказывал доцент Маликов, проведя сравнительный анализ по целому ряду экономических показателей: ЗПС оказывает значительно больший прогрессивный эффект на развитие территорий, чем соответствующие пенитенциарные зоны или учреждения, даже градообразующие, или СЭЗ (свободные экономические зоны). К тому же, утверждал доцент, в отличие от СЭЗ, обладающих сильным коррупциогенным эффектом, ЗПС, через известные демократические механизмы, должна оказывать антикоррупционное действие. И наконец, убеждал читателей местный мыслитель, свобода – это такой же товар, как нефть и газ и может быть источником постоянной прибыли, следовательно, нужно развивать индустрию демократии. Благодаря ЗПС у области есть все шансы за счёт развития рынков жилья, аренды и сферы услуг, в том числе политических и сексуальных, обогнать Тюменскую область. Он так и закончил свою программную статью лозунгом: «Догоним и перегоним Тюменскую область!»

* * *

Жить стало лучше, жить стало веселей. Казалось бы, согретые солнцем наступающей свободы и демократии, все должны были быть довольны и счастливы, ведь свобода – вещь самоценная. Однако вместо этого у эксперимента обнаружили противники. Что особенно странно – молодёжь. Впрочем, кто были истинные противники эксперимента, так и осталось неизвестно. А было вот что. В один из дней к Белому дому стали подъезжать автобусы, из автобусов выскакивали юнцы, как быстро выяснилось, старшекласники и студенты областных вузов, разворачивали транспаранты и выстраивались рядами – всё было очень чётко, профессионально организовано: и решительные комиссары в кожанках, и машины с горячим питанием; даже видно было из окон администрации, как в тут же развёрнутой палатке бригадирам от каждой группы отсчитывали купюры и они расписывались в ведомости. Губернатор Садальский, застигнутый врасплох – он ничего не знал о грядущем мероприятии, – подумал было, что это Эдуард организовал волеизъявление студенческих масс, чтобы окончательно запугать неведомого противника; плакаты, однако, говорили об обратном. «Не хотим избирать губернатора!», «Доверяем президенту!», «За демократию без выборов!», «Свободе – да, выборам – нет!», «Вертикали – да, эксперименту – нет!» – кричали удивительные транспаранты. Молодой человек в кожанке, как оказалось, генеральный комиссар только вчера зарегистрированного Молодёжного фронта «Свои», между тем взобрался на в минуту собранную модульную трибуну. Он поднял руку в римском приветствии, украденном некогда нацистами, и прокричал: «Выборам – нет!» «Выборам – нет!» – понеслось по площади. «Губернаторов – назначать!» – снова выкрикнул вожак. Колонны ещё громче, чем в прошлый раз, повторили за ним. «За сильную вертикаль!» – неистовствовал комиссар и вслед за ним молодые фронтовики.

Садальский в смятении отошёл от окна. От мысли, что его обвиняют в покушении на вертикаль, губернатору стало почти дурно; липкий холодок побегал по спине. Эдуарда поблизости не было, а сам он не мог понять, что это – революция? мятеж? митинг? Милиции нигде вокруг митингующих не было. Очевидно, у милицейского начальства с комиссарами в кожанках был свой уговор. Но отчего же на сей раз Грачёв не позвонил? Неужели приказали из Москвы? И что значит всё это действие? Ясно было только, что там, внизу студенты, кем-то зачем-то организованные, и что происходящее направлено против эксперимента.

«Вот оно, начинается», – в волнении довольно бессвязно подумал губернатор. Но он не мог определить точно, что начинается. Садальский так и не дознался, кем и для чего был затеян эксперимент, какие тайные силы боролись в администрации, а следовательно, не мог понять, кто конкретно выступает против эксперимента. Однако было понятно: за спиной комиссарчиков некто очень могущественный. Вот всегда так – схватка бульдогов идёт под ковром, а на сцене нанайские мальчишки. Народ же всего лишь статист. Но и он, губернатор Садальский, играет чужую роль. Непонятную роль в очень странном спектакле. Губернатора охватила тревога: сейчас он чувствовал много острее, чем раньше, что спокойная жизнь закончилась. Инстинкт бюрократа с опытом подсказывал губернатору что главное для него сейчас оставаться в тени, ничем не выдавать себя, не проявлять никакую позицию – ждать, пока всё само собой не определится.

Но то – губернатор. Журналисты же и телевизионщики, нырнув в толпу митингующих, тут же выяснили, что студенты и школьники только массовка и что участвуют они в мероприятии за небольшие деньги, а чаще – за зачёты и по приказу из деканата. Осели ли какие-то деньги в деканате, выяснить не удалось. Там вообще ничего толком не знали или хитроумно делали вид. Вроде бы им пришла разнарядка. От кого разнарядка, этого в деканате не могли сказать, запомнили, словно прислал её мессир Воланд. Сначала растерялись, а когда сообразили посмотреть, то ли бумага исчезла, то ли с бумаги исчезли печать и текст. Словом, какая-то чертовщина. Что за Молодёжный фронт «Свои», тоже не было ясно. Зарегистрирован в один день, цели в уставе самые благие, патриотические, учредители – группа лиц с ничего не гово-

рящими фамилиями. Журналисты уцепились было за юридический адрес, но по адресу оказалась баня и не было никакой иной вывески. Словом, новая «Байкалфинансгрупп», однодневка, фирма-помойка, но на сей раз журналисты ошиблись. Обжѣгшись на адресе, охотники за сенсациями не опустили руки и продолжали докапываться. Раскопали довольно мало, зато вещи для прессы весьма интересные. Девочки, державшие плакат «За демократию без выборов!» оказались те же самые, что во время фестиваля секс-меньшинств несли транспарант «Долой ханжество!»

– Вы что же, за три недели поменяли свои убеждения? – поинтересовался в лоб журналист из известного интернет-издания.

Девочки раскололись и заговорили – правда, за деньги и совершенно инкогнито.

– Вообще-то мы за демократию. Подрабатываем на демонстрациях. Носим плакаты. Нам даже предлагали стать ораторами. Озвучивать мнение молодѣжи. Если так пойдѣт дальше, вполне заработаем на летний отдых в Турции. Ещѣ нам обещали мегапроект – избираться в депутаты. Но это для самых своих и преданных.

– Кто ваш генеральный комиссар, – настаивал журналист, – и что это за организация такая Молодѣжный фронт «Свои»?

– Василий Васильевич Кожемяко, симпатичный такой мужчина, первоклассный ловец, – отвечали девочки. – Правду сказать, мы больше ничего не знаем. Да нам и не очень интересно. Мы, может быть, вступим в партию Свободной любви.

...В тот день митинг, с многократным скандированием, вскидыванием рук и всеобщим пением, закончился так же внезапно, как и начался. Подъехали автобусы, молодые люди погрузились, трибуну разобрали – и всё, словно ничего не было.

Однако ведь – было. Журналисты сбились с ног, разыскивая таинственного Василия Кожемяко, даже обошли все известные им бордели. Но нет, ни следов главного комиссара, ни Молодѣжного фронта «Свои» обнаружить не удалось. Оставалось лишь строить версии о заказчиках митинга, о заплечниках таинственного вожака. Версий озвучено было четыре. Первая, самая правдоподобная: в президентской администрации или где-то рядом идѣт борьба. Некие таинственные противники зам. главы администрации, консерваторы и ретрограды из Москвы велели выступить против эксперимента, что и было исполнено. От них же с грифом «секретно» пришла заявка в деканат. Вторая версия – почти то же, только вместо ретроградов из администрации выступила таинственная третья сила. Будто некий крупный бизнесмен решил выслушаться. Называли даже разные фамилии. Но все заподозренные бизнесмены тут же открещивались; у всех было алиби. Ещѣ два варианта совсем экзотические. Будто митинг и движение Молодѣжный фронт «Свои» организовал сам губернатор Садальский или стоящий за ним Эдуард, может быть, Сэм Лейкин – изобразить сопротивление реформам нужно было якобы для того, чтобы усилить поддержку губернатора на предстоящих выборах, потому что рейтинг Садальского перестал расти и тревожно топтался на месте, угрожая обвалом. По последней, четвѣртой, версии, губернатор организовал митинг, потому что не хотел выборов. Его устраивала судьба назначенца, а эксперимент затеян был против его воли. В самом деле, зачем бывшему секретарю обкома выборы? Немало ведь этих самых секретарей пролетело в своё время с нелѣжкой руки Горбачѣва. Для них выборы до сих пор как собаке пятая нога. Впрочем, была и ещѣ одна версия – мистическая, которую озвучил в своих «Итогах» Максим Плотников. По Максиму Плотникову выходило, что Молодѣжный фронт «Свои» – фикция, существовал только на бумаге для списания крупных денег, а митинга вообще не было: отсутствовало разрешение мэрии, не были найдены ни транспортные накладные на перевозку студентов и школьников, ни перевозившие их автобусы, ни разнарядка о направлении студентов на митинг, да и сами студенты и школьники, все как один, своё участие в митинге отрицают. Мало того, ни в городском, ни в областном УВД и никому из высокопоставленных чиновников о происшедшем митинге ничего не известно. Словом, предполагал Максим Плотников, имел место либо

случай массового гипноза, либо не объяснённое наукой явление самопроизвольного возникновения телевизионной картинки.

– Глас народа, – рассуждал Максим Плотников, – легко симитировать, но он лишь тогда слышен, когда кому-то очень важному зачем-то нужно продемонстрировать массовку. Митинга против выборов губернатора не было, народ у нас поголовно за эксперимент, но, возможно, окажется, что митинг всё-таки был. Конъюнктура постоянно меняется.

* * *

С момента разговора губернатора Сададьского с зам. главы администрации президента прошло несколько месяцев. Срок, обещанный этим зам. главы для принятия закона об эксперименте, давно минул, а в Госдуме по-прежнему спорили – получалось, демократизация в области происходит под честное слово кремлёвского вельможи, без закона. В Большой России крепнет вертикаль, губернаторы – наместники президента, воеводы, о губернаторских выборах никто не заикается, а в области – чистый сепаратизм, причём незаконный, и он, губернатор Сададьский, играющий в демократию, – почти что изменник и популист. А ведь ныне не губернаторам дозволено играть в популизм. Только Юпитерам. Сададьский всё чаще просыпался в холодном поту, не спал ночами – всё думал, как отыграть назад, избавиться от Эдуарда, пока Москва молчит, пока не сняли голову. Неизвестно ещё, чем в Москве, в администрации всё закончится. Нужно было ждать, не торопиться, а он доверился Эдуарду. Особенно губернатор испугался, когда Максим Плотников стал сравнивать его рейтинг с рейтингом тандема. Максим называл цифры, проценты – у Сададьского они, как назло, получались выше, – а сам Сададьский трепетал от страха. Как-то днём свои страхи губернатор изложил Эдуарду. Но тот в ответ рассмеялся:

– Homo soveticus. Вечный российский синдром. – Потом заверил: – Всё будет о'кей. Всё идёт по плану. Одобрено на самом верху.

Губернатор не поверил. Он был слишком осторожен. Он знал, какую шутку может сыграть легкомыслие. Всё знал. Но отыграть назад не мог. Народ... Губернатор не мог противостоять своей популярности. Не он вёл толпу за собой, толпа вела его, не спрашивая.

Да, народ был полон энтузиазма. Одно за другим возникали профессиональные сообщества в поддержку демократии. Реминисценции начала девяностых оказались живучи. Тогда были «Коммунисты за демократию» («Изящный эвфемизм, означавший отход от покойной идеи» – это из словаря Максима Плотникова), теперь история повторялась – уже в виде фарса, как острил популярный телеведущий, цитируя классика. Да, не только Максиму Плотникову но и губернатору показалось, что именно – фарс, потому что первыми (после коммуниста Руцкого) в защиту демократии объединились ночные бабочки. «Труженицы секса за демократию» – так называлось их новое движение. Мессалина Андреева, профсоюзный вождь, новоявленная правозащитница, стареющая кокотка с железным характером и талантом организатора, женщина, приятная во всех отношениях (это опять Максим Плотников), вихрем ворвалась в политику.

Мессалину вполне можно сделать вице-губернатором, – с обычной смесью цинизма и сарказма говорил губернатору Эдуард, – на сей раз по просьбе симпатизирующих ей депутатов. Новое лицо нашей демократии.

Однако ночные бабочки – только начало. Почти сразу откликнулись торговцы, за ними – домовладельцы, потом – банкиры. Торговцы – это было понятно губернатору. Всё-таки буржуазия. Ей-то нужна демократия. Хотя бы для защиты от чиновников. К тому же торговцы больше всех выиграли от демократического эксперимента, от наплыва иногородних демократов и митингующих. Но когда возникло очередное движение «Чиновники за демократию», губернатор был изумлён. Чиновники – опора стабильности, каста, противостоящая народу,

келейно творящая собственные дела, а тут – за демократию? Если даже чиновники, ход истории предreshён. Губернатор пригласил Эдуарда.

– Что случилось с чиновниками?

– Чиновники седлают демократию. Они, как черви, изгрызают её изнутри. Чиновники всегда в выигрыше, – глядя прямо в глаза губернатору, умно и дельно, как всегда, объяснял Эдуард. – Россия – страна огромная, неухоженная, несправедливости всюду выше крыши. Власти везде, где могут, запрещают демонстрации. Посылают... куда подальше, то есть к нам. Мы для них субъект на три буквы, эквивалент демократии или отстойник. – Он улыбнулся собственной остроте. – А в областном центре только одна площадь для демонстраций и митингов и одна пешеходная улица. Представляете, какая возникла очередь! Как в советское время за колбасой. И какая коррупция! Чиновники регулируют очередь, продвигают своих, составляют чёрные списки. Поэтому они за демократию. Теперь пикеты стоят против местных чиновников, против очереди и взяток. Люди ждут месяцами. Из-за этой бюрократии начал падать ваш рейтинг.

– Что же ты молчал? – рассердился губернатор. – Чиновников сократим вдвое. А чтоб они не самовольничали, создадим комиссию. Я сам буду регулировать очередь.

– Тогда очередь станет ещё длиннее и коррупция только вырастет, – печально возразил всезнайка Эдуард. – Мы это уже проходили. От бюрократии только одно средство: демократия. Если растёт коррупция, значит, демократия не работает.

– Ты, видно, в школе был отличником, – проворчал губернатор. – Я прижму этих подлых тварей.

Губернатор, похоже, забыл, что и сам он – чиновник и что тоже берёт взятки. С тех пор как Сададьский возглавил область, он уже много раз безуспешно сокращал растущее поголовье чиновников. Он даже когда-то обнаружил: чем больше сокращаешь чиновников, тем больше их становится впоследствии.

И ещё: сокращаются молодые и честные, зато матёрые только матеруют. Впрочем, губернатор, как и большинство его коллег – и в старое, и в новое время, – не вдавался в особые тонкости; его волновал процесс, а не результат. Важно бывало всякий раз показать себя народу или начальству. По молодости Сададьский очень даже любил широкие жесты, последствия же своих действий обычно особо не отслеживал. Со временем он просто забывал о начатых им же компаниях.

Через несколько минут, успокоившись, губернатор достал коньяк и наполнил бокалы. Довольно быстро он впал в настроение элегическое.

– Так что, – губернатор похлопал Эдуарда по плечу – не работает у нас, значит, машина демократии? А ты говорил – индустрия. А что это такое: де-мо-кратия? Что за хрен?

– Демократия – это когда чиновники думают о народе, – вяло отвечал Эдуард, испытывая странную опустошенность. Даже коньяк не действовал. Мысль об индустрии демократии неотвязно точила его.

Губернатор Сададьский, по-старчески брызгая слюной и икая, громко рассмеялся.

«Господь Бог точно был двоечником, – глядя на губернатора, мрачно подумал Эдуард, скривив губы. – Человек – вот неисправимая ошибка Создателя».

Да, сейчас Эдуард почти ненавидел губернатора. Эдуарду претили простонародная склонность губернатора к пьянству, к импульсивным и непродуманным, напоказ, решениям, к бахвальству, его дешёвый популизм, но, главное, Эдуарда раздражало, что, несмотря на все его усилия, губернатор Сададьский оставался тем же, кем и был раньше, – совком, секретарём обкома. Впрочем, плохое настроение у Эдуарда было по несколько иной причине – он, как и губернатор, не знал, что делать с пристроившимися к новой кормушке чиновниками. Да и сама ситуация, не предусмотренная им раньше, начала угнетать Эдуарда. Люди с заявками на проведение митингов и демонстраций, а иногда и просто пикетов, ехали из самых дальних

уголков России – страна переполнена была обидами и несправедливостью. Естественно, очередь на митинги, демонстрации и разные другие протестные акции должна была расти. Настроение в областном центре начинало меняться: в отличие от геев и ночных бабочек протестанты, как правило, были бедны, они не устраивали красивые фестивали, часто даже не могли снять жильё и ночевали прямо на улице, как бомжи, не покупали почти ничего у местных торговцев. Кому нужна такая нищенская демократия, такой эксперимент? Местные так и говорили: пусть ищут справедливость в другом месте, и тоже выходили на митинги против приезжих, иногородних. С требованиями порядка. Вообще нередко получался полный абсурд: протестующие могли выйти на демонстрацию только через годы, когда событие, против которого они протестовали, большинством уже было забыто, а виновные получили новые должности.

Выходило, что вместо того, чтобы протестовать против вездесущей несправедливости и ущемления прав, люди будут проводить демонстрации в областном центре против долгой очереди, которая лишь отчасти возникла по вине местных чиновников. Они, эти чиновники, только ловят рыбу в мутной воде, озлобляя народ, но ведь не они же виновны изначально. Выходит, свобода в области грозит обернуться против самой себя. Не на то ли и было рассчитано? Не для того ли и был затеян эксперимент? Рейтинг губернатора Сададьского, взлетевший благодаря его, Эдуарда, усилиям, грозил обрушиться, и тем сильнее, чем позже состоятся выборы. Закон же об эксперименте всё не принимали. Как сообщал Сэм Лейкин, по техническим причинам ситуация зависла на несколько месяцев. Выходило, что он, Эдуард, работал и старался впустую. Он был бессилён разрешить ситуацию, не меняя условия эксперимента. А их никто не собирался менять. С самого начала было оговорено, что эксперимент – только в одной области. В остальной России – железная вертикаль. И так во всём. Депутаты областного собрания ещё только готовят закон о самоуправлении – очень неплохой, по мнению Эдуарда, – а местные чиновники уже пишут к нему инструкции, выхолащивающие самую суть. Всякое нужное дело зачем-то превращается в эксперимент, эксперименты проваливаются, потому что против них бюрократия. Многие-многое годы, целые века страна ищет, как лучше – с жертвами, с кровью, – а всё остаётся по-прежнему. Бюрократия не меняется. Замкнутый круг...

– Прямо ребус какой-то. Русский ребус, – простонал Эдуард.

...В тот день Эдуард глушил коньяк с губернатором, но коньяк не помогал. Ребус с очередью не решался. И замкнутый круг не размыкался...

* * *

Решение ребуса с очередью предложено было на следующий же день. Шло совещание мэров районных городов и посёлков с губернатором, перешедшее вскоре в бунт.

– Это что же, – говорил мэр Пятихаток Дышенко, давний приятель и сподвижник Соловья, находившийся в контрах с губернатором, – у нас сейчас свобода. Эксперимент. А нас по-прежнему душат. Демократия – это та же нефть, сколько денег заграбастали областные чиновники. Теперь они с жиру бесятся, завели чёрные списки, установили длиннющую очередь. А мы сосём лапу. Собственно, почему? Чем мы хуже? Делиться надо. Почему все демонстрации в областном центре? Мы что, не люди? Примем с хлебом-солью. Асфальт уложим, фасады побелим. Для митингов отдадим стадион. Надо по-честному. У вас тут, я слышал, инцидент с лимоновцами – довели до пикета, до мордобоя, включили в чёрные списки, завели уголовное дело. Да за деньги пусть едут к нам. Мы и киоски для них построим, чтоб бить стёкла. Гуляй душа! А если что, кругом поля. Одно слово, демократия. Всё можно. Только по-честному, по справедливости.

– Да, надо по-честному. Делиться, – поддержали хором все главы районных администраций и мэры районных городов. – Де-мо-кратия! Для всех поровну.

Губернатор Сададьский при виде такого единодушия вопросительно обернулся к Эдуарду.

– Ударим по коррупции, – обрадовался Эдуард. – Вырвем кость у жадных чиновников. Вот оно, Ньютоново яблочко.

Обрадованные районщики заплодировали. Стали просить субсидии, чтобы достойно принять дорогих гостей. Демократия, она тоже требует денег.

Пока наперебой районщики кричали от эйфории, подсчитывали будущие дивиденды от торговли, гостиничного бизнеса и легализованных секс-услуг, а пятихаткинский мэр Дышенко мечтал плюс к тому построить казино и выделить область в Особый федеральный округ со своими законами, областные чиновники перехватили инициативу. От их имени выступил самый продвинутый, Геббельс.

– Ну хорошо, – стал увещевать Виктор Филиппович, – хотите заполучить лимоновцев – валяйте. А только поедут за ними в вашу глушь иностранные корреспонденты? У вас в гостинице и воды горячей в кране нет, и душ принять негде. А без иностранцев на кой ляд вы этим большевикам.

– Ради такого дела мы всем миром построим русскую баню. Заодно и экзотика, – перебил Геббельса Дышенко. – Да если надо, в собственную баню отведу. И самогон у нас отличный. Будут ездить, выхлопочем лицензию.

– Ладно, – неожиданно легко согласился Геббельс. – Сколько же вы, так сказать, хотите взять с Лимонова... за услуги?

– Тысяч сто пятьдесят долларов, – решительно сказал мэр Пятихаток.

– За что? – от удивления даже вскрикнул губернатор.

– Демократия, она не бесплатная, – стал пояснять губернатору хозяйственный Дышенко, – это, можно сказать, передовая индустрия. Одно хочу заверить: всё будет точно по смете, по прейскуранту. Киоски, я говорил, чтобы бить стёкла или даже переворачивать, старые автомобили, чтоб не жалко, закупим в Германии, кучи мусора – пусть жгут, технику современную, чтоб сигнал не терялся, – сразу передать в агентства, ещё народную дружину, подкормить мужиков, милиция-то не справится, если что, потом уборка всего этого, что набьют и пожгут, как раз пойдёт под программу борьбы с безработицей. Ну и отложим часть на будущее. Будем строить отель. Пятизвёздочный мы, положим, не потянем, но четыре звезды вынь да положь. Дело-то перспективное. Мы и на прямые связи, если что, выйдем. С белорусами, да, может, и с Москвой. Там много разных правозащитников.

– Ну ладно, держайте, – согласился губернатор.

– Ещё вот что, Геннадий Михайлович, – заговорил опять Геббельс, – я так понимаю, у нас серьёзный разворот, крупный, будем строить индустрию демократии по-современному. Но вот эти все демонстрации, митинги – они ведь не для галочки, люди же чего-то требуют. А кто их может удовлетворить? Москва! Но откуда в Москве узнают, что происходит, например, в Пятихатках? Из газет? Я так полагаю, надо создать специальный департамент при правительстве области, чтобы фиксировать требования, поддержку населения, готовить письма в Москву или ещё куда – за номером, с печатью, с подписью губернатора, или, может, пресс-релиз, давать официальную информацию в СМИ – за деньги, понятно. Бесплатно бывает только сыр в мышеловке. В общем, индустрия так индустрия, по всем правилам. Демократия она и в Африке демократия.

Ошеломлённый речью Геббельса губернатор беспомощно обернулся к Эдуарду. Однако и Эдуард пребывал в растерянности. С одной стороны, мысль вроде здравая. Если область – полигон, до Кремля надо доводить информацию. Не всё же им черпать из ящика отлакированную картинку. Но, с другой стороны опять чиновники, опять взятки. К тому же чиновники на этом не остановятся.

Губернатор Сададьский, видя сомнения Эдуарда, заговорил сам:

– Идея, конечно, интересная. Но... Тут многие вопросы созрели и перезрели. Мы в интересном периоде... Надо встречаться с зам. главы администрации президента. Провентилировать. Будем иметь в виду. Идея хорошая... Я вот только опасаюсь, как бы Лужков не обиделся. Мы ведь всё у него отнимем.

– Это да, – сказал кто-то из мэров с места, – Лужков – хозяин крепкий. В кепке.

* * *

Увы, не слишком ли смелые планы вынашивал пя-тихаткинский мэр Дышенко, да и другие мэры и главы администраций, не грезили ли учёный доцент Маликов, а за ним и Максим Плотников и сам губернатор Садальский об индустрии демократии, не был ли это всего лишь красивый мираж, не поспешили ли обгонять Тюменскую область с её нефтью и газом, – пафосный подъём демократии с фестивалем сексуальных меньшинств, с демонстрациями ночных бабочек, несогласных, шахтёров, протестовавших против жадности хозяев, сгубившей их товарищей, сходил на нет.

Последними прошли десятка два сытых, лоснящихся молодых людей с портретами бывшего премьера Касьянова – и всё, как отрезало. Страна устала от митингов и демонстраций, от взлёта, надежд и падения девяностых. Устала от собственных наивных мечтаний. Она больше не верила никому.

– Никому – это полбеда, – рассуждал с телеэкрана Максим Плотников, – страшнее, когда ни во что. Когда закончилась всякая вера. Страна заблудилась между прошлым и будущим. Запуталась в собственном прошлом.

Нет, митинги и демонстрации не прекратились, но прежнего пафоса больше не было. Люди привыкли очень быстро. Демократия демонстрировала, так сказать, свою приземленную бытовую сторону. Приезжали бабушки из Пятихаток, требовали от губернатора Садальского заставить мэра Дышенко вырыть колодец; приезжали из соседнего района – митинговали, чтоб отремонтировали дорогу. Понятно, что на митинги и демонстрации ходили в основном свои, из области. Люди вдруг обнаружили, что без митингов и демонстраций в области ничего не делается. Столичных журналистов больше не было, их интересовало глобальное. Изредка появлялись иностранцы, удивлялись, отчего у русских такая сложная технология. Чтобы проложить трубы или отремонтировать мост, надо сначала собрать митинг.

Переключением с высоких проблем, с абстрактных прав человека на малые, бытовые больше всех были разочарованы местные торговцы. Их доходы, взметнувшиеся было ввысь от наплыва участников демонстраций и журналистов, теперь стремительно падали. Надежды на эксперимент не оправдались. Закрывались недавно открытые магазины. От отчаяния «Торговцы за демократию», объединившись с труженицами секса и с другими почтенными гильдиями, готовили грандиозную манифестацию за статус ЗПС (зоны политической свободы) для области и за губернаторские выборы. Но, увы, это было не служение свободе, а лишь хитроумный маневр, чтобы подогреть угасавший интерес к области, прорваться на телевидение, вызвать новый поток журналистов и публикаций, а с ними повторный подъём экономической активности. Энтузиасты даже обсуждали ещё более смелые планы – устроить политическую забастовку потребовать статус третьей столицы и перевода в областной центр хоть каких-то правительственных учреждений.

– Мы не хуже питерских, – смело заявляли в интервью Максиму Плотникову лидеры местной торговли и главный их идеолог доцент Маликов. Обосновывая свою позицию, областные фрондёры вспомнили старую песню о главном из начала девяностых – борьбу с привилегиями.

Увы, это была лишь короткая вспышка. Становилось ясно, эксперимента не будет; начатый не ко времени, он тихо сходил на нет. Рейтинг губернатора Садальского больше

не рос, напротив, несмотря на все ухищрения Эдуарда, начал падать. Область медленно, очень неохотно, погружалась в прежнее состояние спячки. Доцент Маликов – последний энтузиаст индустрии демократии – даже изобрёл новые индексы: индекс несбывшихся ожиданий (ИНО) и индекс политической апатии (ИПА). Эти индексы, доказывал доцент, оказывают обратное воздействие на экономику. Надо будить людей, повышать потребительский оптимизм, поднимать ИОС (индекс ожидания свободы), заставить свободу работать. Иначе сорвётся модернизация. Отчаявшись найти надёжных сподвижников в областном центре, отчаянный доцент предложил крайнюю меру – выписать правозащитников из Москвы, последних из неугомных.

Эдуард после долгого разговора с Сэмом Лейкиным – тот больше ничего не обещал, проект закона об эксперименте показательно затерялся в Госдуме, – начал подумывать об отставке. Президентский назначенец Сададьский, пенсионного возраста, ничем не заметный среди других губернаторов, один из первых кандидатов на вылет, особенно после такого афронта. Он больше не темная лошадка, ноль против тандема. Честолюбивый политолог впредь не связывал свои надежды с Сададьским.

Только Максим Плотников ещё трепыхался, используя последние дни оттепели. Он, возможно, чувствовал, что никогда в будущем не вернётся на телеэкран. Ища опору Максим Плотников всё больше обращался к прошлому – к молодому Сперанскому и графу Витте, к Петру Столыпину и незаслуженно забытому Лорис-Меликову, о настоящем же судил желчно и не без занудства. Битый час он искал разницу между застоём, реставрацией и стабилизацией, сравнивал нынешнюю модернизацию с горбачёвской госприёмкой; в другой раз ратовал за губернаторские выборы как средство от кадрового оскудения и бюрократического омертвления и комментировал последние демонстрации. По Плотникову получалось печально: вместо культуры демократии – культ Хозяина. Гражданское общество – спящая царевна, депутаты – фикция, мэры – безответственны и нечистоплотны. Одна надежда – на Хозяина с большой буквы. Усатый хозяин, или в кепке, или даже без особых примет должен нам вырыть колодец, отремонтировать дорогу и даже вкрутить лампочку. Для полной гармонии – разделения властей у нас не существует – надо писать в Москву а не митинговать в областном центре. Бог у нас там.

– Странная демократия, – с сарказмом восклицал телеведущий, решившись высказаться до конца, – без гражданского общества. Мы им – губернаторские выборы, они нам – копеечные прибавки к пенсии. Вот такой чейндж.

* * *

Как показывает опыт, оракулы ошибаются много чаще, чем обыкновенные люди. На сей раз ошиблись и Максим Плотников, раньше времени пропевший прощальное соло, и нетерпеливый Эдуард, и замученный ночными страхами губернатор Сададьский, и столичные аналитики и журналисты, с мазохистским сладострастием хоронившие эксперимент в самой утробе Госдумы. Когда казалось, что всё – эксперимента не будет, что победили неизвестные публике консерваторы, что зам. главы администрации вот-вот уйдут, пакет законов об эксперименте был срочно найден в сейфе одного из председателей комитетов и принят сразу в трёх чтениях. Там, в администрации, что-то произошло, что-то изменилось в тандеме. Историки, философы и политологи будут потом спорить о роли случайности в этой истории, о чрезвычайной уязвимости прогресса, но это – потом. Главное, пакет законов был принят. Остановившиеся колёса завертелись. Областная дума назначила выборы. Избирали одновременно губернатора, думу и органы самоуправления. Внимание страны приковано было к уникальной области.

Избирательная кампания между тем почти сразу началась с сенсации. Председатель областной думы Варяжников, ещё недавно один из главных кандидатов в губернаторы, отказался от участия в губернаторской гонке и объявил о поддержке однопартийца, кандидата номер один – Сададьского, нынешнего губернатора. Причиной его отказа, как говорили злые

языки из депутатов, были вовсе не усилия телекиллера Максима Плотникова и не фотографии, напечатанные в журнале обл администрации и растиражированные в Интернете, – за прошедшее время Евгений Андреевич сумел минимизировать не столь уж и великий ущерб. Он затеял строительство храма, отправился в Лавру на богомолье, и отец Михаил, местный протоиерей, отпустил Варяжникову все грехи. Так что спикер был чист перед Богом и тем более перед людьми. К тому же, служа Церкви, Евгений Андреевич стал близким приближенным митрополита, они вместе светились в телевизоре и в Интернете. Интернет так и вообще был заполнен святочными рассказами о богоугодных деяниях Варяжникова. Да и сами избиратели, люди не злые и не злопамятные, позлословив и перемыв главдепутату кости, начали забывать о скандале. Так что рейтинг Варяжникова вернулся к прежним десяти процентам. «Единая Россия» снова выдвинула его в депутаты. Да что там «Единая Россия», собственная супруга – за немалую, правда, компенсацию – не только простила неверного, но собрала пресс-конференцию, где рассказывала об их взаимной любви и о замечательных качествах политика и мужа, а в конце торжественно объявила о своей очередной беременности. Так что причина отказа главдепутата от избирательной гонки оказалась совсем в ином. Евгений Андреевич несколько дней отчаянно пытался встретиться с председателем облзбиркома, но тщетно. Тулинов всеми силами избегал встречи, даже демонстративно. Когда же они наконец встретились, два важных областных мужа, чиновник был холоден и суров, разговаривал строго статьями закона, от коньяка отказался наотрез, пожелал успешного депутатства, – Варяжников понял, что шансов в губернаторы у него нет. Москва ли, губернатор Садальский или Сэм Лейкин владели избиркомом безраздельно. Административный ресурс, не раз поднимавший на гребень волны депутата, на сей раз работал против него.

Вообще кампания по выборам губернатора началась совсем не так, как ожидали и расписывали досужие журналисты, предвкушавшие мультисюжетный боевик. На самом деле кандидатов в губернаторы оказалось разочаровывающе мало. Как иронизировал в своих «Итогах» Максим Плотников, в стране по сравнению с треклятыми девяностыми всё так оказалось выбито и схвачено, что, не считая кандидатов от трёх думских то ли полу-, то ли псевдоопозиционных партий, этих нанайских братцев и нескольких постаревших всероссийских сумасшедших, в своё время путешествовавших с выборов на выборы, с президентских на губернаторские, из одной области или республики в другую, не обнаружилось кандидатов в противовес правящему губернатору. Притом даже, что сам Садальский публично призывал противников идти на выборы, божился, что выборы будут честными, но они не шли. Начать с того, что самый известный из демократов, бывший вице-премьер и баловень судьбы, когда-то любимчик покойного президента, мимолётный наследник, легкомысленно упустивший фортуны – его больше всех опасался губернатор Садальский, – вместо выборов отправился к дальним морям заниматься виндсерфингом. Не поверил в чистоту замыслов правящего клана? Или снова разминулся с фортуной? Всё-таки это не Сочи. Другой демократ, из «Другой России», Каспаров, тоже не приехал. Впрочем, он и не обещал. Алчущие сенсаций журналисты долго разыскивали шахматного экс-короля, но он так и остался недоступен. Лишь пресс-секретарь через неделю сообщил, что Гарри Кимович будет участвовать только в президентских выборах и что в настоящее время экс-король вплотную занят формированием «Комитета-2018». Другие возможные кандидаты, в основном из экс-депутатов – и правых, и левых, – тоже дружно бойкотировали выборы, заранее обвинив облзбирком в ожидаемых фальсификациях. Эти фальсификации, похоже, грели им души. Не избиратель от них отвернулся, только административный ресурс. Даже официальный либерал Барцевский и тот не приехал.

– Да и зачем, – иронизировал с телеэкрана Максим Плотников, – если, как он утверждает, тандем использует исключительно его идеи. Помните бородатый анекдот насчёт маршала Жукова и полковника Брежнева? Не забыл ли маршал посоветоваться. Это именно тот случай. Легче сидеть на печи и заниматься телепатией.

Однако, вопреки скептикам и всеобщей апатии, о которой эти скептики твердили, кампания по выборам губернатора раскручивалась точно в соответствии с законами жанра. Мало того, очень скоро она приняла интригующий и совершенно непредсказуемый характер. Но тут надо несколько слов сказать о губернаторе. Мы помним, как рейтинг его рвался вверх. Увы, несколько месяцев промедления, быть может преднамеренного, пока закон об эксперименте вылёживался в Думе, оказались для Сададьского роковыми. Усталый электорат успел за это время сильно разочароваться в обещанной демократии. Мечты о ЗПС (зоне политической свободы), об этом уникальном российском эльдорадо, сильно увяли, митинги и демонстрации приелись. Народ ждал чуда, но чуда не случилось. Индустрия демократии многим теперь казалась химерой. Голосовать сердцем наученные горьким опытом избиратели больше не хотели, к призывам и обещаниям оставались равнодушны, да и какая связь между сердцем и наскучившим как горький хрен губернатором; кошельки же опять были тощи, мираж процветания с каждым днём рассеивался – рейтинг губернатора Сададьского, правда, искусственно высокий, несмотря на все ухищрения хитроумного Эдуарда, скользил вниз, небыстро пока, но неодолимо, к перекрестью, называемому на графиках ножницами...

Парадоксальная реакция, когда рейтинг теряет управляемость и не слушается технологий, – очень серьёзный симптом. Требуются чрезвычайные, отчаянные меры, что-то совершенно необычное. Эдуард решился пойти ва-банк, сделать гениальный – так ему казалось – ход. Но об этом чуть позже...

* * *

Угроза, которую почти не ждали, появилась в глуши, в дальнем Пятихаткинском районе, на степной границе области. Возродившийся из небытия Соловей, герой, которого помнили и которого спасали всем миром, принц Гамлет, он же Гриша Добросклонов, как, помнится, назвал его в разговоре с губернатором Эдуард и как теперь с чьей-то лёгкой руки его называли в народе, бросил перчатку губернатору Сададьскому. Избирательная кампания его была полна приключений. Артист, любимец публики, особенно женщин бальзаковского возраста, Соловей прямо со сцены, в одеждах датского принца, призвал поддержать его на губернаторских выборах. Поклонники, а всё больше поклонницы, составили его избирательный штаб и начали сбор подписей. Перепуганная дирекция театра, страшась губернаторского гнева, сняла «Гамлета» с репертуара и оставила Соловья без ролей – по сути, уволила из театра. Скандал – разве что-нибудь может лучше помочь честолюбивому претенденту? Жители областного центра, даже далёкие от искусства, сразу прониклись сочувствием к обиженному. Сам же Соловей, оставив штаб на доверенных людей, почти сразу уехал в родные Пятихатки. Так он превратился в гонимого. Отъезд, впрочем, имел важную причину. Пятихаткинский мэр Дышенко, человек с грандиозными планами и столь же непомерными амбициями, затеял в своём захолустье грандиознейшее строительство, на которое нецелевым образом растратил чуть ли не весь районный бюджет да ещё и кредиты; строительство между тем застряло на стадии котлована – теперь мэру нужно было идти на поклон к губернатору, но вместо этого Дышенко решил бросить Сададьскому вызов, предложив старому приятелю поддержку в битве за губернаторство в расчете на то, что победа Соловья спишет его грехи и принесёт новые деньги из областной казны. А ещё лучше – позволит Дышенко возглавить областное правительство. Итак, Соловей засел в Пятихатках, в мэрии городка был его главный штаб, его люди и люди Дышенко повсюду собирали подписи. Говорили, к Соловью в Пятихатки со всех концов области приезжали ходоки; обиженные бизнесмены из глубинки тайно собирали для народного заступника деньги. Он был похож на Пугачёва – простой хитрый русский мужик, народный вождь; никто не знал его убеждений. Ксенофоб? Патриот? Коммунист? Демократ? Ни один человек не задавал Соловью лишних вопросов. А он говорил людям то, что они хотели слышать: обуздать

чиновников и перекупщиков, дать справедливость и порядок, защитить бедных, снизить цены. Газеты о нём не писали, молчал Максим Плотников, и, однако, летел-бежал гул; сторонники Соловья с подписными листами шли от дома к дому – им открывали двери. Наконец Соловей захотел и повёл их, подобно крестному ходу из Пятихаток в другие районы. Его сторонники, ходоки и люди из областного штаба ходили с листами по областному центру. Поначалу их прогоняла милиция, иные над ними смеялись, – вот так же фарисеи смеялись когда-то над Иисусом, – однако число подписей стремительно росло. Скоро подписных листов должно было стать достаточно.

Но сам Соловей знал: авантюра. Прошло время Пугачёвых. Побеждает сила, власть, административный ресурс, побеждают чиновники. Ельцин? Но Ельцин был высокопоставленный ренегат, а он, Соловей, – никто. Принц Гамлет. Король Лир. И ещё Соловей знал: учил вождь о революционной ситуации. Сейчас её нет и в помине. Безвременье, откат. Народ расплескал свои силы.

– О, Русь, святая Русь, – улыбался Соловей, артист, сквозь пьяные слёзы. – Твоя святость в твоей наивности, в твоём простодушии. Ты верила Стеньке Разину, верила Пугачёву и Ленину-Сталину тоже верила. Извечно, но и безнадежно твоё стремление к справедливости. Красавица ты на поругание.

Трезвый, Соловей смотрел на себя со стороны: хотелось покрасоваться. Хотелось чуда. Артист. Он любил свою роль. В чудо он, впрочем, не верил. Соловей знал: последний рубеж – избирком, Тулинов. Этот рубеж не взять. Его не допустят до выборов. Испортить обедню им, поскандалить, хлопнуть дверью погромче – и баста. Да и какой из него губернатор. Ближайший сподвижник Дышенко – вор, по которому горько плачет прокурор. А он, Соловей, самозванец...

Чудо, однако, свершилось. Будто во сне. Ночью, незадолго до окончания регистрации, с Соловьём встретился Эдуард. Тайно. О чём они говорили, не знал никто. Но в нужный день Соловей со товарищи пригнал пропылённый грузовик с подписными листами – было там и немало коробок от Эдуарда – в облизбирком. Его почти радостно, как желанного гостя, встретил Тулинов...

* * *

Губернатор Сададьский поначалу не обращал на Соловья внимания. Экий сермяжный мужик. Артист погорелого театра. Эдуард обещал сразить его на взлёте, как Варяжникова, потом не выпустить из десяти процентов. Проект со сказочником направлен был против коммуниста. Но то ли Эдуард запомнил, то ли не сумел, то ли предал, или это была такая интрига, пока непонятная губернатору – Сададьский пригласил Эдуарда. Доброхоты докладывали, что Эдуард тайно ездил к сопернику. Губернатор был взвинчен. Максим Плотников накануне рассуждал об альянсе, прочил Соловья в вице-губернаторы. Это был пробный шар, несомненно. За его, губернатора, спиной. Интриги, кругом интриги, сплошное византийство...

– Всё о'кей, – заверил политтехнолог, – скоро Соловей упрётся. У него маргинальный, протестный электорат. Двадцать процентов, самое большее – двадцать пять. Это те, кто не отдал бы за вас голоса. Их голоса я принесу вам на блюдечке. Помните комбинацию с Лебедем?

– При чём тут Лебедь? – пунцовея, прохрипел губернатор, даже затопал ногами. – Там была интрига против коммунистов. А сейчас коммунисты пшик. Щипать нечего. Только обозначают присутствие. Под видом борьбы с коммунистами, увода у них электората вы мне расчитываете соперника. Опасного социал-популиста. Да чёрт его знает кого. Россия по-прежнему больна пугачёвщиной, сходит с ума от самозванцев.

– Возьмите его в вице-губернаторы. Или хотя бы пообещайте. Получите рейтинг, с которым можно бороться за президентство. Варианты возможны.

Так вот оно что! Хитрый политтехнолог мыслил слишком далеко. Значительно дальше, чем сам губернатор. Но кто же стоит за Эдуардом? Какие такие олигархи? Но, главное, какой у Садальского выход? Раздутый рейтинг, как продырявленный мяч, начал сдуваться. Объединиться с коммунистом против этого Лебеда? Разыграть, так сказать, обратную комбинацию? Будто выборы – игра в кубики. Полная чушь...

Эдуард между тем убеждал губернатора:

– Рейтинг – это тот же поручик Кижэ. Его раскрутишь, и вот он растёт. Сам по себе, по закону инерции. На подъёме рейтингу ничего не страшно. Хоть прыгай с моста в мелководную реку, хоть пьянствуй до полного свинства. Не поверят. Скорее откажутся от подписки. Это как на валютной бирже. Когда растёт доллар, все скупают доллары. Точно так же покупают губернатора. Тут свои уровни поддержки и сопротивления. Нам нельзя, чтобы всполошились в Москве. Лучше до времени держаться в тени. Использовать Соловья – сейчас как угрозу, чтобы Москва вас поддерживала, а на финише как тайный резерв.

– Опасную игру ты затеял, Эдуард, – пожал плечами губернатор. – Всё какие-то выдумки, какой-то пиар. Не любо мне это. Вот в советское время: первый – это первый, второй – это второй. И в республиках тоже: первый – национал, второй – русский. Строго. Командир и комиссар. Всё под присмотром.

– Растём, – усмехнулся Эдуард, – используем все атрибуты демократии. Всё по науке.

* * *

Избирательная кампания в области, ввиду её исключительности и уникальности, привлекала всеобщее внимание. Это были не просто выборы – испытание тщательно отстроенной в последние годы системы. Политики, политологи, кремленологи из разных университетов, журналисты, обозреватели, астрологи, многочисленные кухонные патриоты и либералы, соскучившиеся по реальной политике, получили благодатную тему. Спорили не столько о том, кто станет губернатором и кто получит большинство в областной думе – тут и спорить поначалу было не о чем. Обсуждали вещи более глобальные: стала ли демократия до конца управляемой, удалось ли разработать технологии двадцать первого века, направляющие, или, по выражению одного из мэтров, корректирующие волю избирателей. Спорили много и умно, даже устроили симпозиум в Совете по развитию демократических институтов и представительных органов власти – при этом сама избирательная кампания началась со скандала. Небезызвестный Максим Плотников сообщил в очередной программе «Итоги», что коммунисты занялись бизнесом и по два миллиона долларов продают места в своём избирательном списке. С пролетарской партией и в самом деле было неладно. Вместо потомственного рабочего, горлопана, поклонника Сталина, известного на всю область Василия Шантыбина номером два в избирательном списке шёл первый в регионе олигарх Платов. Вслед за Максимом Плотниковым обвинение подхватили газеты; конкуренты – те даже провели митинг против местоторговли в Думе. Особенно неистовствовали молодые люди из Молодёжного фронта «Свои» – ходили по городу с плакатом: «Олигарха Платова – на нары, а не в Думу!», раздавали листовки прохожим с требованием исключить олигарха из партийного списка, а партию ленинцев снять с выборов. В завершение своей акции молодофронтовцы написали заявление в прокуратуру и устроили перед ней бессрочный пикет.

Коммунисты поначалу молчали, но через некоторое время нанесли контрудар. На кабельном телевидении – на другие каналы их не пустили – они продемонстрировали запись: некие бизнесмены поочередно торгуются с представителями трёх оставшихся парламентских партий за места в избирательных списках. Торговля плавно перетекает в развлечение с проститутками

в бане. Причём представители всех трёх партий развлекаются вместе, дружно преодолев межпартийные разногласия. Полный консенсус. И ещё одна пикантная деталь: ночные бабочки за свои безвозмездные услуги были щедро вознаграждены. Их лидер и профсоюзный вождь Мессалина Андреева включена в избирательный список либеральных демократов. Впрочем, как справедливо заметил всё тот же Максим Плотников, альянс был взаимовыгодный, без всякого мезальянса. Партийцы предоставили Мессалине паровоз, она же им подняла – тут Максим Плотников сделал интригующую паузу и предложил угадать с трёх попыток. Оказалось – рейтинг.

Контрудар коммунистам удался не вполне. Всё тот же Максим Плотников осадил их с телеэкрана:

– Почему наши защитники трудящихся так долго молчали с этой своей записью? – вопрошал он в передаче «Итоги». И сам же ответил: – Торговались с бизнесменами за банную запись самым безбожным образом. Жалко было отдать полученные от олигарха Платова деньги за святое пролетарское дело.

Хуже того, по утверждению всё того же Максима Плотникова, запись оказалась с многочисленными признаками монтажа. Вполне возможно, просто подделка. Тогда промедление коммунистов становилось понятным: они ожидали, пока бизнесмены готовили свой товар. Впрочем, что дым совсем уж без огня, в это не поверил никто, несмотря на все клятвы трёхпартийцев. Но тогда, заинтересовалась публика, почему эти неизвестные бизнесмены, так и не попавшие в партийные списки, продали свою запись коммунякам, а не трёхпартийному альянсу. Денег-то у альянса больше. Впрочем, и тут нашёлся аргумент. Ведь могли же бесчестные бизнесмены-кидалы продать запись торга альянсу, а копию – коммунистам, или наоборот, чтобы везде зашибить деньги. Словом, скандал и гадания долго не утихали. Возникла даже инициативная группа из местных известных людей, решившая обратиться в прокуратуру, чтобы та выяснила, как всё было на самом деле и, если положено, возбудила уголовное дело. Но прокуратура, однако, тотчас расследование заволокитила, ещё больше усилив подозрения относительно чистоты приближенных в власти мундиров.

Основная интрига, однако, возникла вокруг губернаторских выборов. Правда, не сразу. Поначалу казалось, что система действует безотказно. Единственный фаворит – единокорос губернатор Садальский, раскрученный заблаговременно, поддерживаемый телевидением, прессой, чиновниками, приближенными к власти бизнесменами, обладатель таинственного административного ресурса. Против него три фантома, чистая декорация, эфемерный продукт трёх, то ли полуоппозиционных, то ли младших партий, плюс к ним вечный – пока были выборы губернаторов – кандидат-неудачник из книги рекордов Гиннеса, некто Виталий Боборыкин, перекаати-поле, полусумасшедший либерал-патриот, участник двадцати шести кампаний по выборам губернатора в восемнадцати субъектах Федерации. За этой четвёркой статистов в списке значились ещё две виртуальные личности с поддержкой избирателей в пределах статистической погрешности. Стерильность выборов нарушала лишь тёмная лошадка – известный нам Соловей, человек из народа, гроза перекупщиков и незаконных мигрантов, принц Гамлет с крутой биографией. Очень странная, если подумать, диспозиция. Опытный политтехнолог Эдуард словно играл в поддавки, не поставив Соловью противовеса. Ввиду явной безальтернативности губернатора внимание публики невольно обратилось к человеку с певческой фамилией, на него ставили, правда, вначале осторожно, о нём говорили и зубоскалили, ему симпатизировали. Печать таинственности лежала на этом необычном кандидате. Кто он? Понятно было, что Соловей – человек внесистемный, полная противоположность губернатору Садальскому. Самородок. Соловей любил цитировать Руссо: «Есть времена, которые рожают ораторов, и есть времена, которые рожают декламаторов».

Так вот, он был оратором среди декламаторов. Время, опровергая Руссо, было над ним невластно. Но речи не делали Соловья до конца понятным. Тот же Максим Плотников, пытаюсь

анализировать, восклицал с телеэкрана, слегка пародируя: «Кто вы, мистер Соловей? Умелый демагог, идеалист, мечтатель или прагматик? Российский Валенса или Лукашенко?»

Влиятельный телеведущий первым попытался разгадать загадку по имени Соловей. Телекиллер вытащил на экран тома уголовного дела, пригласил свидетелей, среди них толстого хозяина горевшего пятихаткинского рынка Эльшана, бывшего районного прокурора Морозова, человека с сомнительной репутацией, отдельно – шепелявого политолога, говорившего разумно, но вызывавшего у зрителей сильнейшее раздражение своим менторством. Политолог объяснял, переходя на крик, что Соловей – опасный демагог, популист-фокусник, вытаскивающий из рукава пустые обещания, что у него нет ни программы, ни команды, что вокруг него сброд, что это всё мы уже проходили, что борьба с перекупщиками, с такими вот Эльшанами обернётся закрытием рынков, а борьба за снижение цен – их непременно повышением, защита бедных – ещё большей бедностью, что, как известно, дорога в ад вымощена самыми лучшими намерениями и что никто ещё не смог победить российского чиновника, как обещает Соловей, что борьба с коррупцией обернётся ещё большей коррупцией и нельзя всё ломать снова, не достроив. Логично рассуждал политолог, но чем больше эта троица хулила Соловья, тем больше рейтинг его рос. Они, эти трое, были до спазмов чужие. Власть хотела его размазать, значит, он был свой. Вопреки им, в отместку им, всей этой чужой, лживой власти рождался народный герой. Обиженный, как и мы. Наш, свой. Неясно было только, чего хотел Максим Плотников. Так хитроумно, по-иезуитски подбирал он свидетелей – раскручивал человека из глубинки, или это был прокол телеведущего.

Зритель номер один, губернатор, от начала до конца просмотрев «Итоги», в сердцах смачно выругался:

– Накрутили, суки, точно по психологии. Сделали белого, пушистого и обиженного. А власть – падаль. Теперь держись.

Эдуард незаметно улыбался. Максим Плотников был его проект.

К середине избирательной кампании начала проявляться отчётливая тенденция – рейтинг губернатора остановился как вкопанный, электоральный резерв, похоже, был исчерпан. Эдуард был бессилён что-либо сделать. Между тем тёмная лошадка, напротив, ускорила темп, окончательно добивая остальных конкурентов. Те, кто вчера ещё смеялись и не верили в Соловья, теперь вливались в разношёрстную армию его сторонников.

– Торжество конформизма, – усмеялся с телеэкрана Максим Плотников. – Так побеждали Мухаммед и Иисус. Люди нередко превращаются в носорогов.

Первым не выдержал кандидат от ЛДПР, бывший водитель Жириновского, и накатал длинную телегу в облизбирком. Но, к его удивлению, реакции не последовало. Теперь, по расчётам наблюдателей, лишь две вещи могли спасти губернатора Сададьского: скорый финиш избирательной кампании – Сададьский всё ещё сохранял довольно значительное, хотя и тающее с каждым днём преимущество, – и автоматизированная система «Выборы». Сам взволнованный губернатор чуть ли не каждый день интересовался у Эдуарда, не передумал ли Соловей, сдержит ли слово (Эдуард передал губернатору тайный ночной разговор), а ещё лучше – снять этого выскочку с выборов.

– Терпение, терпение, и ещё раз терпение, – как малого ребёнка, уговаривал губернатора Эдуард, но тому всё больше казалось, что Эдуард хорохорится, а на самом деле он то ли боится сказать правду, то ли тайный агент Соловья. Этот Гриша Добросклонов вызывал у губернатора всё большие опасения. Быстро растущий рейтинг кому хочешь вскружит голову. Что стоит Соловью обмануть.

«Птичка на глазах становится оранжевой, – со всё возрастающей тревогой думал губернатор Сададьский, теряя сон, – то ли с розоватинкой, то ли с коричневатинкой».

Впрочем, какого цвета был этот красавчик-хамелеон, по-прежнему для всех оставалось загадкой.

Терпение губернатора было на пределе.

* * *

Не один губернатор волновался. Аутсайдеры, кандидаты от трёх полуоппозиционных партий, ничего не добившись от облизбиркома, дружно жаловались в Москву. Зам. главы администрации, сам на взводе, звонил Сэму Лейкину:

– Что происходит в области? – Зам. главы был камильфо и не терпел мат, а тут не сдержался и добавил крепкий эпитет. – Эдуард заигрался. Надо его взгреть.

– Всё под контролем, – заверил Сэм Лейкин. – Чуть-чуть потерпите. Ожидается яркий финал.

– Рискуете головой и деньгами, – сурово сказал зам. главы администрации и положил трубку.

* * *

За несколько дней до выборов намечены были теледебаты. Чуть ли не до последнего дня губернатор Садалский, как явный фаворит, не собирался в них участвовать. Достаточно было представителю губернатора зачитать заявление. Пусть спорят и отвечают на каверзные вопросы другие. Пусть шавки, а не он, губернатор, терзают Соловья – у них достаточно злобы против чужака. Однако в самые последние дни обстановка изменилась кардинально. Народ потребовал – к барьеру. Все захотели видеть на телеэкране друг против друга губернатора Садалского и Соловья.

– Какое-то сплошное безумие. Слово политика состоит исключительно из слов и обещаний. Будто искусственный имидж заменяет суть, а править должны исключительно краснобаи... Вместо реальности отныне бал правит виртуальность; место политиков всё больше занимают политтехнологи и пиарщики... Всё решает телекартинка. Полный абсурд. Демократия вырождается в шоу... – резонные мысли отдельных скептиков потонули в общем хоре.

Телевидение между тем раскалилось от писем и звонков избирателей. Максим Плотников, с юмором припомнив про гладиаторов, призвал электорат посылать эсэмэски. Счёт пошёл на десятки тысяч жаждущих крови...

...Итак, губернатора к барьеру. Область – огромный Колизей...

«Безумие, – метались мысли губернатора Садалского, словно загнанные в тесную клетку птички. – Что мог он, старинный бюрократ позднесоветского разлива, привыкший читать по бумажке, противопоставить певучему Соловью? Сладкоголосому с дивными трелями обещаний. Чем мог отбить клятву снизить цены вдвое? Что мог возразить против изгнания ненавистных перекупщиков? Что – против повышения зарплаты и дешёвой водки?»

Обещания Соловья на этом, однако, не заканчивались. Сладкоголосый обещал восстановить утерянные вклады, помочь жертвам недавних пирамид, пересмотреть итоги приватизации. Он словно не в губернаторы баллотировался, а в правители всея Руси.

Губернатор Садалский был в ярости. Его преимущество таяло, упав до восьми процентов. Садалский благополучно дотянул бы до финиша. Но эти теледебаты... Эдуард – во всём был виноват Эдуард. Предательство, хитрость или самоуверенность? Скоро всё откроется окончательно...

* * *

Эдуард был, как всегда, спокоен и подтянут, чуть иронично смотрел на губернатора. «Циник, – недобро подумал Садалский, – потрошитель из Чубайсова племени».

От злости губернатор забыл, сколь многим он был обязан Чубайсу. Нутряная злоба поднималась из самых глубин.

– Зачем ты подстроил дебаты с этим разбойником Соловьем? – почти прорычал губернатор. – Ты в своём уме?

– Вы победите, – решительно заверил Эдуард, – вам нужна красивая победа, нокаутом. Этот полубезумный Нерон сыграет немного Герасима. Эксперты будут за вас.

– Зря я связался с вашей фирмой, – не слушая Эдуарда, запричитал губернатор, – в советское время ты бы положил у меня партбилет.

– В советское время выборы были без выбора. Вы ведь и слыхом не слыхивали о политтехнологиях. Тёмное Средневековье, возомнившее себя передним краем прогресса.

– По крайней мере, честнее, чем сейчас, – слегка успокаиваясь, с сарказмом возразил губернатор. – Люди хоть догадывались, что их обманывают, умные даже знали наверняка. Что это такая советская игра. А сейчас избирателей просто разводят как лохов. Та же игра, та же партия бюрократии, только хитрее и название новое: многопартийность. Что, ваши политтехнологии – это и есть демократия? Вот что, – вдруг сказал губернатор очень решительно, – никаких теледебатов не будет. А как – это твоё дело... Ты заварил эту кашу, ты и расхлёбывай. Иначе пропущу через блендер...

– Я так думаю, – возразил Эдуард, – вы изменили бы своё мнение. Я хотел довести комбинацию до логического конца, но у вас, к сожалению, сдают нервы. Придётся изменить сценарий, хотя это чревато. На теледебатах будет капитуляция...

– Чья? – прохрипел губернатор, наливаясь кровью.

Эдуард никогда не видел его таким. Политтехнолог испугался, что вот сейчас Садальский упадёт от инсульта – и всё... Вот он, наркотик власти. Тогда всё пойдёт прахом. Издёвка фортуны – победа Соловья... Соловей – единоросс... Сколько раз Россия ходила по краю пропасти...

– Капитуляция Соловья, – поспешно произнёс Эдуард. – У нас с ним всё твёрдо обговорено. В самом начале теледебатов он вас поздравит с победой и отдаст вам свои голоса...

– А если какой-нибудь фортель?.. – недоверчиво спросил Садальский.

Эдуард обратил внимание: руки у губернатора тряслись, он всё ещё тяжело дышал. «Нельзя так напрягать властолюбца, – подумал Эдуард, – надо с ним поосторожнее... Слабый материал. А говорили – секретари обкома крепкие люди. Гвозди можно делать из этих людей. Измельчала порода. Построил виллу, без конкурса отдал под застройку сыну лучшие земли. Теперь его мучают страхи».

– Мы ко всему готовы, – с улыбкой доложил губернатору Эдуард. – У Максима Плотникова в кармане есть справка из психдиспансера. В студии – врач, свидетель в белом халате. Но это ещё не всё. Шесть лет назад Соловей в пьяном виде сбил на личной машине человека. Тот сидел на мотоцикле, не ехал, разговаривал с соседом. Тяжёлая травма. Теперь этот человек – колясочник, одинокий, последние несколько месяцев мы его содержим, лечим, готовим к главному дню. Странно, что в своё время вы вместе с прокуратурой до этого не докопались. Плохо работали. Список продолжить?

– Продолжайте, – перевёл дух губернатор.

– Афганистан. Плен. Соловей был душманом. Подозревали: расстреливал наших солдат. Мы отыскали нужных людей. Продолжать? Бывшая жена...

– Это же надо, всего один человек, не переборщите, – улыбнулся оттаявший губернатор. – Вы, получается, ас в своей грязной работе.

– Политика – грязное дело, – скромно поддакнул польщённый Эдуард. – Я вам до сих пор не хвастался, я не просто магистр политологии, но и кандидат политических наук. После победного окончания избирательной кампании подарю вам свою новую книгу. Кстати, знаете,

какая у меня была тема диссертации? «Роль ненормативной лексики в вербальном воздействии на электорат».

– Это информация или опять намёк? – поинтересовался губернатор.

– Намёк, – тотчас признался Эдуард, – люди у нас с юмором, любят острое слово. Нужно подсластить им пилюлю за отсутствие теледебатов. При капитуляции Соловья не надо говорить речи, просто хлопнуть его по плечу. «Область вести – не мудьями трясти» – и всё. – Эдуард продемонстрировал, как надо хлопнуть по плечу Соловья. – Это незабвенный Никита Сергеевич. И Соловей окончательно срезан. Да хоть «замочить в сортире». Радость электората.

В тот день губернатор с Эдуардом снова пили коньяк и разучивали последние реплики заканчивающейся избирательной кампании. Обсудили и действия губернатора Садальского на тот случай, если Соловей, вопреки здравому смыслу и собственным обещаниям, надумает преподнести сюрприз.

* * *

В день накануне теледебатов Константин Соловей сидел в одиночестве в не слишком дорогом гостиничном номере, снятом для него Эдуардом, в областном центре. Бутылка водки с закуской стояли перед ним на столе. Команда из нескольких преданных Соловью людей занимала две комнаты на окраине города, но кандидат в губернаторы несколько дней там не появлялся, телефоны его молчали, в штабе с каждым часом нарастало беспокойство. Но Костя Соловей, мессия, как в шутку называл его Максим Плотников, сейчас об этом не думал. Избирательная кампания была почти закончена. Соловей, артист, ярко сыграл свою роль, очевидно, намного ярче, чем губернатор Садальский; пожалуй даже, это была самая удачная роль в его жизни. Теперь пора было погаснуть огням рампы. Эдуард обещал сделать Соловья вице-губернатором, Соловей был ему зачем-то нужен, однако он не верил – и из-за слишком крутой своей биографии, и просто знал, что губернатор и Эдуард о нём забудут на следующий же день после теледебатов. Тогда он снова станет никем. Так всегда бывало в его жизни. В Афгане, когда совсем ещё зелёным юнцом Соловей попал в плен. Чтобы выжить, Соловью пришлось принять ислам, сменить имя и воевать против своих, расстреливать солдат Наджибуллы. Потом Соловей бежал, с ним долго разбирались, но в конце концов простили за отсутствием улик. Было уже горбачёвское время. Никто не знал наверняка, что Соловей был моджахедом. Затем, едва он стал актёром в областном театре, Соловью несказанно повезло и он сыграл Гамлета, заменил основного актёра. Был грандиозный успех и тут же начались зависть, интриги, о Соловье намеренно забыли. Он пытался протестовать, но потерял место, запил, развёлся с женой, загулял и сам не заметил, как оказался заведующим Домом культуры в Пятихатках. В то время Соловей думал, что жизнь закончилась. Так бы оно и было, если б не возмущение против перекупщиков и торговцев. В тот год цены на рынке взлетели почти вдвое, народ возмущался, начались стихийные митинги. Соловей пару раз выступил, потом стал собирать людей в Доме культуры. Он ничего не боялся, терять ему было нечего. Как-то само собой получилось, что Константин стал лидером, народным вождём местного масштаба. На выборах он выдвинулся в районное самоуправление – против губернаторского ставленника, обещал снизить цены на рынке, создать кооперацию, допустить к торговле фермеров, выгнать кавказскую мафию. Соловья посчитали опасным, – местные бонзы его ненавидели, обвинили в поджоге рынка и в разжигании межнациональной розни, хотя Соловей, видит Бог, не поджигал рынок и не разжигал рознь. Он, впрочем, догадывался, кто поджёт, но молчал. Возбуждением людей воспользовались другие, стали распространять листовки против кавказцев. Настоящих виновников милиция не искала, да их и так все знали, но в итоге обвинили Соловья. Властям нужно было убрать его с выборов. Выпустили Соловья через несколько месяцев, прямо из зала суда – выборы к тому времени закончились, властям он был больше не страшен, хотели успокоить возмущённый народ.

К тому же Соловей дал слово не лезть в политику. За ним был грех. Соловей не хотел, чтобы под него копали. Но слово своё он не сдержал. Не перед кем стало держать слово. Прокурора, которому Соловей обещал не лезть в политику, того самого, которого Максим Плотников пригласил на свою передачу, скоро убрали из района за взятки. Нехорошая у него была репутация. Зато из Соловья национал-патриоты попытались сделать героя. Хотели привлечь его в своё движение. Но он был осторожен. Говорил о любви к России, но держался от них в стороне.

Героем, народным заступником, невинно пострадавшим вернулся Соловей в областной театр, находившийся на грани банкротства. Для прогоравшего театра Соловей стал спасителем. Посмотреть на него собирались зрители. Безбашенные патриоты, те иной раз, приветствуя Соловья, даже выкрикивали лозунги: «Россия для русских!» Но Соловей делал вид, что не слышит.

Лишь когда начался эксперимент и заговорили о губернаторских выборах, Соловей начал думать: а почему бы не выставиться в губернаторы? Разве он хуже других? Он начал собирать сторонников. А дальше пошло-поехало. Соловей многим оказался нужен. Харизматик, артист, патриот. Впрочем, глядя на своё окружение, Соловей скоро одумался. Ну какой из него губернатор? Ни команды – одни пустоголовые, воры, мечтатели в коротких штанишках, сброд, – ни навыков управления, ничего. Соловей видел: у людишек, что сбились вокруг него, будто у жадной старухи, росли амбиции. Он решил почти твёрдо – нет. Зачем становиться посмешищем? Даже запил от расстройства и страха. Но тут как раз приехал Эдуард и предложил сделку. От Соловья – голоса; Соловью – место в команде губернатора плюс немалые для Соловья деньги. Он же, Эдуард, решит проблему с Тулиновым.

– Вот твоё досье, считаешь на досуге, – улыбнулся Эдуард. – Это наша гарантия, что ты не обманешь. Что ты на крючке. Потом, будешь паинькой, уничтожим. Эдуард расселся вальяжно, закинув ногу на ногу. – Помнишь Шекспира, артист: «Весь мир – театр». Вот и играй. Редкая роль тебе досталась. Подмости – целая область, а может, и вся Россия. И на редкость благодарные зрители. Дерзай, актёр. Не ты первый. «Пока мы живём так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать её чёрной икрой...»

В тот день Соловей ухватился за Эдуарда. Он, Соловей, актёр, а не режиссёр. Главное, чтобы была интересная роль и добротный сценарий. В остальном Соловей доверился режиссёру Эдуарду. А сам только играл, импровизировал, произносил речи, которых ждали от него зрители. Они же, зрители, – электорат.

Поначалу Эдуард рассчитывал с помощью Соловья получить несколько лишних процентов для губернатора Садальского, а заодно пощипать конкурентов из младших партий. Однако на сей раз Эдуард ошибся. Недовольных, обиженных жизнью, замученных нищетой, изувечившихся, настроенных против всех в области было чуть ли не большинство. Недавний красный пояс, горячий материал. Не сытая, нейтральная к власти Москва. И он, этот горячий материал, запылал. Рейтинг Соловья, человека из народа, заступника, обиженного, обещавшего снизить цены, увеличить пенсии, задавить коррупцию, поставить на место зарвавшихся чиновников, продавать хорошую водку за малые деньги, вообще – навести порядок, вырвался из-под контроля. Соловей начал быстро догонять губернатора Садальского, оставив далеко позади всех других кандидатов. Оказалось, – социологи это подтвердили, – что со времени КПСС люди не любят никакие партии и не доверяют партийным кандидатам. Наступил эффект камнепада, как говорил Максим Плотников. Камни, падая с гор, увлекают за собой лавину. Обвал. Он, Константин Соловей, обвалил всю избирательную систему. Её выстраивали годами, тщательно, упорно, изолировали оппозицию, убирали несогласных, делали сито всё мельче, а он обвалил в один миг. Видно, слишком хитро строили, скрепляли обманом. СМИ, которые раньше игнорировали Соловья – он должен был взлетать на одном сарафанном радио, – теперь наперебой бегали за ним. Не Соловей от СМИ, они теперь кормились от его рейтинга. Будто волшебный конёк-горбунок, рейтинг Соловья скакал впереди ошеломлённых журналистов. То

не лично Соловей побеждал, то кривда выходила наружу. Вот она, святая Русь. Джин вырвался из бутылки и больше не зависел от политтехнологов. Началась паника. Соловья пытались перекупить. К нему подкатывались справедроссы, жириновцы и коммунисты, но он хранил верность слову данному Эдуарду. Эдуард, впрочем, был всегда начеку. Всё держал под контролем.

Бывало, иногда Соловей начинал думать, особенно спьяну, что неплохо бы кинуть Эдуарда и самому стать губернатором. Видел он немало людей из этого племени губернаторов и депутатов – не боги, кое-как обжигали свои кривые горшки. Найти бы нормальных, не алчных советников. Но тут же Соловей одёргивал себя, нутром он чувствовал, что это пустая затея, что победу ему не отдадут, к тому же – досье. В холодном поту Соловей представлял, как бывшая его жена, Лена, с которой он давно развёлся по пьяни, даёт интервью Максиму Плотникову. И как, вслед за ней, появляются на телеэкране ночные бабочки. Да уж какие там бабочки. Пьяные, грязные бабы. Очень много чего они смогут рассказать. Наберётся не на одно банное дело. Соловей вспоминал, что сделали совсем недавно со спикером Варяжниковым. Он по-настоящему боялся хитроумного, всесильного Эдуарда. Телевизионный век; тот хозяин, у кого рука на пульте...

...Хотя выборы – тоже рулетка. Ещё неизвестно, что сделало бы досье Эдуарда. Люди, бывает, упорно не верят власти. Тогда она становится бессильна. Чего нельзя одним, то другим можно... Варяжников – бык... а он, Соловей, – Юпитер? Его рейтингу ничего не страшно? А Афган? А сбитый мотоциклист? А лечение в диспансере? Но даже если бы не поверили, есть председатель облизбиркома Тулинов.

На этом Соловей обычно признавался – самому себе, грешному – что он не такая уж крупная птица.

Сладкоголосый соловей, выводящий красивые рулады, но совсем не стервятник. Нет опыта, нет партийной закалки...

Соловей подобные мысли не любил, они тянули его к водке; впрочем, наш артист легко переключался на более приятное. В сейфе Соловья ожидает кейс с долларами – всё, что нужно, чтобы спокойно встретить старость. Он, Соловей, не олигарх, не тот размах крыльев. Зато завтра – кейс, и нет Соловья. Улетел Соловей. Пусть электорат идёт к губернатору Садальскому. По десять центов за голос.

* * *

Теледебаты между Соловьём и губернатором Садальским разрекламированы были не меньше, чем финал чемпионата мира по футболу, если бы одним из финалистов была Россия. В самом деле, это был апофеоз всей избирательной кампании, мощное крещендо возрождающейся российской демократии – это, понятно, говорил телеведущий Максим Плотников. Так вот, крещендо совершенно неожиданно для всех закончилось очередным грандиозным скандалом. То есть в телевизоре, на картинке, всё выглядело почти пристойно. Но если взять область, сотни тысяч семей, собравшихся у телевизоров в предвкушении невиданного зрелища; повисшую над областью выжидательную тишину, футбольные бары, с утра заманивавшие болельщиков, основательно разогревших пивом и водкой к теледебатам; если учесть, что у бедных провинциалов не так уж много зрелищ и люди задолго готовились получить бесплатное удовольствие, придумывали и часами обсуждали свои вопросы, тренировались, как будут задавать их по телефону; если взять, наконец, длиннейшие очереди к букмекерам, причём ставки делали на тысячи, десятки и даже сотни тысяч, и явно больше на речистого Соловья; кто-то, говорили, даже продал квартиру, чтобы разбогатеть; если мысленно, наконец, разобрать перегородки и стены и представить область как единый футбольный стадион с фанатами от областного центра до последней малюсенькой заброшенной деревушки; если представить, что было бы, если бы в область приехали Майкл Джексон или Битлы, – словом, все сходили

с ума от предвкушения теледебатов, это действительно был грандиознейший апофеоз. Так вот, теледебаты очень скоро вызвали по всей области сплошной взрыв ярости, крика, визга, возмущения, воплей; зрители плевались, ругались, истерически смеялись, кидались стульями и креслами в телевизоры, как на настоящем стадионе. Похоже, имел место случай то ли массового психоза, то ли истерии или какого-то иного помешательства. В этом всё ещё пробуют разобраться психиатры, психологи, социологи, даже выписанные из-за границы фрейдисты и психоаналитики – рассуждают про Фрейда, Юнга, Фромма, про какое-то бегство от свободы, про сублимацию неясных подсознательных комплексов, но довольно невнятно, сбивчиво и, похоже, безуспешно. Во всяком случае, иные из этих светил ставят неслыханные ранее и даже не вполне медицинские диагнозы, что-то типа: «Массовый психоз переходного периода», или, ещё заумнее: «Массовый психоз истерико- фобического типа переходного периода в условиях авторитарного окружения», или что-то ещё в том же роде. Однако по порядку...

* * *

Итак, ровно в девятнадцать часов вечера губернатор Сададьский и Соловей, оба в новых серых костюмах, при галстуках, в лакированных туфлях, только из парикмахерской, расположились вокруг телеведущего Максима Плотникова и двух его очаровательных помощниц. Один, губернатор, толстолицый, пузатый, хотя и сбросил пятнадцать килограммов, с двойным подбородком, бородавкой около уха, с тяжёлым властным взглядом, номенклатурного вида, который никакими политехнологиями не удалось стереть; другой – слегка худощавый, даже красивый, с седой отметиной на голове, но, как никогда, беспокойный, с бегающими глазами и одутловатым лицом человека, равнодушного к спиртному. Оба кандидата явно казались не в своей тарелке.

– Сегодня у нас, на Общественном областном телевидении, решающие теледебаты, – хозяйским голосом провозгласил Максим Плотников. – Сначала я задам обоим кандидатам свои вопросы, потом вопросы телезрителей, в конце дебатов кандидаты смогут задавать вопросы друг другу. Впрочем, если у кандидатов есть заявления...

И вот тут, не дожидаясь, пока телеведущий закончит фразу вскочил непохожий на себя Соловей, дрожащими руками откуда-то вытащил бумагу и стал читать своё заявление. Что он, Соловей, безмерно уважает единоросса губернатора Сададьского, что лучшего губернатора области не найти и что те высокие лица, кто назначил губернатора, знали, что делали, сверху видно много дальше, и что он, Соловей, просит причислить себя к числу самых искренних сторонников губернатора Сададьского и готов работать в его команде, а если ещё недавно говорил иначе, то была просто предвыборная борьба. Сейчас же, осознавая свою ответственность перед избирателями, он снимает свою кандидатуру и призывает избирателей голосовать за нынешнего губернатора.

Губернатор Сададьский, едва улыбнувшись, тяжёлой походкой человека из номенклатуры подошёл к Соловью, по-отечески, как блудному сыну, возложил руки на плечи выбывшему из борьбы кандидату – вышло довольно деревянно.

– Область вести – не мудьями трясти, – сказал холодным, бесцветным голосом. То, что в исполнении темпераментного Никиты Сергеевича в своё время казалось живо и смешно, здесь выглядело глупо и пошло.

И всё, кина не будет... Обманули!!! Обманули, сволочи! Семьдесят лет обманывали, и ещё почти двадцать, и ещё тысячу лет без малого! Подстава! Сговорились! Вместо теледебатов – подстава.

– Подстава! – слово вырвалось из двух почти миллионов глоток, словно вся область – один стадион и нашим забили обиднейший гол, полетело из домов на улицы, из баров, из палисадников...

Согласно сводкам милицейской хроники, уже в девятнадцать двадцать толпа молодых людей в масках двигалась по центральным улицам областного центра, круша всё на своём пути: автомобили, киоски, витрины магазинов, окна офисов и банков; неизвестные молодчики – по некоторым данным, среди них было немало бритоголовых – подожгли колхозный рынок с примыкавшим к нему общежитием гастарбайтеров. При этом и толпа на улицах, и люди в окнах и на балконах кричали одно и то же: «Подстава, подстава! Долой губернатора!», а некоторые даже: «Долой выборы!» Какие-то не очень трезвые дамочки на центральной площади, где обычно проводились митинги, скандировали: «Ре-во-лю-ция! Ре-во-лю-ция!» Толпу между тем, словно магнитом, влекло к телебашне, к этому областному Останкино. По дороге, пока громили гостиницу, погромщиков снимали, забыв об опасности, выскочившие из номеров иностранные корреспонденты. Для них это был большой профессиональный праздник – корреспонденты и телевизионщики приехали освещать очередной гей-парад, а вместо этого – русский бунт, столь же непонятный и загадочный, как сама русская душа. Возбуждённые, всё крушащие молодые люди требовали отменить выборы. Достоевский! Ремейк девяносто третьего года. Только ОМОНа нигде не было. ОМОН с полдня начал праздновать предстоящие теледебаты между Соловьём и действующим губернатором.

Телепрограмма между тем продолжалась. Новый начальник УВД, либерал и законник, заменивший недавно старого скалозуба по просьбе губернатора Сададьского, дозвонился до Максима Плотникова и слёзно просил продолжать дебаты или чем-нибудь ещё занять народ, пока удастся привести в чувство ОМОН. Максим Плотников, взмокший от напряжения и сыпавшихся на него угроз, и оба кандидата, один из них уже бывший, старались – обсуждали структуру правительства области после предстоящих губернаторских выборов; сгоряча испуганный Сададьский даже пообещал Соловью пост премьера и закон о ЗПС (зоне политической свободы), который предстоит принять новой думе. Диалог ежеминутно прерывался – студия буквально сотрясалась от телефонных звонков, эсэмэсок и криков с улицы. Люди кричали и писали одно и то же: «Подстава, подстава! Долой губернатора!», или «Розыгрыш, обман, позор». Встречались, впрочем, и вполне философские звонки, типа: «Демократия и свобода СМИ – это когда разные каналы врут по-разному, а у нас в области все врут одинаково. Это авторитарный режим».

Лишь услышав звон разбитого стекла, выстрел и крики внизу Максим Плотников, подобно Гайдари в девяносто третьем, обратился с кратким словом к народу призвав граждан встать грудью на защиту демократии и быстрее бежать к телебашне, потом дрожащей рукой выключил рубильник. Картинка погасла сразу по всей области. Это был сигнал – телестанция взята. Комедия окончена! Революция – прямо по Ленину, только не страшно. Фейерверки осветили потемневшее небо. Зеваки тысячами высыпали на улицы. Рёв – то ли восторга, то ли всё ещё не остывшего гнева – пронёсся над областным центром. Максим Плотников, губернатор Сададьский, Эдуард и примкнувший к ним Соловей, переодевшийся в матроса, спасались бегством через чёрный ход.

«Прощай, мой кейс. Прощай, обеспеченная старость», – печально повторял про себя Соловей, в полной темноте спотыкаясь.

Только часам к одиннадцати вечера, когда всё, что можно было разбить, было разбито, и всё, что можно разграбить, разграблено, на улицах областного центра появился с трудом приведённый в чувство ОМОН. Толпа вначале пыталась сопротивляться, в милицию полетели камни и пустые бутылки, ОМОН с остервенением набросился на смутьянов, началось побоище, закончившееся, впрочем, очень скоро – толпа рассеялась по соседним улицам. Добычей милиции стали захваченные на месте преступления пьяные, бомжи и несколько десятков сильно избитых, большинство из которых, от греха подальше, пришлось почти сразу, без допроса, отправить в областную больницу как якобы жертв побоища между погромщиками.

Отменять выборы было поздно. Да и не хотелось областному руководству привлекать внимание к случившимся мрачным событиям. В первые дни и в самом деле в центральные СМИ просочилось довольно мало, писали и говорили весьма невнятно про события вроде Кондопоги или Благовещенска, но каковы масштабы событий и их причина, из этих путанных сообщений понять что-либо было сложно. Вроде бы какие-то хулиганствующие элементы спровоцировали массовые столкновения. Не ясно было только – кого и с кем. Местное же телевидение в первые несколько дней вообще не работало, шли восстановительные работы, но, главное, так было проще избежать обсуждения по горячим следам; областные газеты тоже не выходили. Так что всё могло бы остаться не то что в тайне, но без особых откликов. Ну было что-то и было. Не впервой. Утомлённые в девяностые годы люди не слишком интересовались политикой. Однако сейчас это был не тот случай. Во-первых, эксперимент и прикованное к нему всеобщее внимание. По сути – передовой край российской демократии. Во-вторых, область была политизирована и сильно потрясена происшедшим. Но главное – выборы. Вот из-за выборов всё тайное и стало окончательно явным. В область к выборам нахлынули журналисты, телевизионщики, наблюдатели, правозащитники и узнали о случившемся из первых уст, но самое главное – выборы не состоялись. Электорат, шокированный трижды: сговором Соловья с губернатором Сададьским, бунтом и погромами – тут же местные конспирологи распустили слух, будто бунт и погромы были заранее подготовлены закулисой, чуть ли не фондом Сороса; им как кость в горле наша демократия – и, наконец, милицейским побоищем, на выборы не пошёл. Выборы не состоялись. Ни губернаторские, ни в областную думу, ни даже в местное самоуправление. Избирательные участки оставались пусты настолько, что даже экзитпулы долго не удавалось составить. Лишь председатель облизбиркома Тулинов до последнего излучал оптимизм и убеждал журналистов, что народ идёт. Однако к вечеру и он сник и не стал нажимать на свои кнопки. К тому были очень важные причины. Социологи к девятнадцати часам общими усилиями всё-таки наскребли экзитпул; по этому экзитпулу получалось, что на первом месте с большим отрывом идёт коммунист. Коммунистический электорат, как всегда, оказался самым стойким. Но и ещё – примерно в это самое время с Тулиновым по телефону пообщался зам. главы кремлёвской администрации.

– Это особый электорат, твердокаменный, – то ли с восхищением, то ли с сарказмом говорил после выборов Максим Плотников, ненадолго вернувшийся в телеэфир, – коммунистам можно только позавидовать. Их электорат не отвратили от партии ни массовые репрессии, ни насильственная коллективизация, ни разрушение храмов и богоборство, ни семидесятилетние ложь и рабство, ни очевидное банкротство идеи. Это электорат, глухой к истории и к здравому смыслу. Гвозди бы делать из этих людей.

Но наблюдательные зрители заметили: на сей раз в словах маэстро не было прежней убеждённости. Он, похоже, начинал думать, что большевизм – свойство не одних коммунистов и что не меньше присущ он и правящей партии. Вообще, большевизм – такое же свойство нашей ментальности, как долготерпение и уважение к водке. Или к тиранам.

Максим Плотников, видно, чувствовал, что его «Итоги» будут вскоре закрыты, что оттепель заканчивается, эксперимент провалился, и спешил выговориться. Ловкий телеведущий и хитроумный мастер пиара на сей раз, по всему, был предельно искренен, даже элегичен.

– У российской демократии трудная судьба, – говорил он печально с телеэкрана, подводя итоги, – демократию на нашей каменистой, неприспособленной, авторитарной почве надо выращивать как экзотическое дерево. Долго, упорно, тщательно, не ожидая ранних и вкусных плодов. Она во всех странах нежна и несовершенна, а у наших агрономов быстро превращается в декоративный кустарник. Зато, если растить правильно и честно, плоды её будут замечательны. Некоторые утверждают, что демократия – это самоограничение и порядок, – продолжал телеведущий. – Нет. Демократия – это власть народа и, главное, для народа, всё остальное – частности, а мы построили олигархический капитализм, словно списали карикатуру из кри-

тических трудов Маркса. Боритесь за демократию! Берегите Россию! – патетически закончил Максим Плотников.

«Уходя, все восхваляют демократию и просят беречь Россию, – саркастически скривив полные губы, как всегда цинично подумал Эдуард, смотревший „Итоги“ по телевизору, – запоздалый порыв больной совести...»

Сам Эдуард в это время паковал чемоданы. Губернатор Сададьский больше не представлял для него интереса. Пешка, так и не пробившаяся в дамки. К тому же под боем. Одно лишь сильно мучило Эдуарда – был ли происшедший бунт стихийным или, скорее, за вроде бы стихийным возмущением маячила чья-то (чья?) могущественная фигура. Совершил ли Эдуард профессиональную ошибку, самую ужасную в своей жизни, или... То есть ошибку он всё равно совершил, слишком грубо поставил сцену капитуляции Соловья перед губернатором Сададьским, но... дальше всё развивалось по чьему-то гениальному и дьявольскому плану. Этот человек, следовательно, знал предстоящий сценарий теледебатов. Скорее всего, прослушивал разговор Эдуарда с губернатором, с Соловьём или с Максимом Плотниковым. В том же, что бунт был подготовлен заранее, Эдуард почти не сомневался. В самом деле, погромщики вышли на улицы уже в девятнадцать двадцать, они были хорошо организованы, связывались между собой исключительно с помощью краденых телефонов, вооружены арматурой и все поголовно в масках. Лишь позже организованное ядро растворилось, погромы продолжили обыкновенные простачки и использованные втёмную фанаты. К тому же история с пьяным ОМОНОм. Эдуард пытался выяснить у следователя-важняка, но тот только передернул плечами: «Обыкновенное хулиганство».

Другой факт, казалось, не имел прямого отношения к происшедшим событиям, но... В своё время Эдуард по самоуверенности факт этот просто проигнорировал. Молодёжный фронт «Свои» – эти молодые люди совсем недавно провели свой митинг перед Домом правительства. Появились почти внезапно и так же внезапно исчезли. Всё было при этом чрезвычайно дисциплинированно и отлажено и так же, как сейчас, под покровом тайны. Их комиссар-вождь Василий Кожемяко... Кто он и откуда? Кто ему платит? Много было таких, как он, среди воевавших в Абхазии, в Сербии. Было над чем задуматься...

Наконец накануне дня выборов, когда команда губернатора всё ещё пребывала в шоке, кто-то распустил слух, будто беспорядки в день выборов могут повториться. Сообщения появились в Интернете, на кабельном телевидении, в сельские администрации даже звонили, чтобы люди не шли на выборы. Это была не паника, устроенная перепуганными обывателями, а целенаправленная кампания. Теперь-то Эдуард был в этом уверен. И целили не в губернатора Сададьского, кому он нужен, этот старый хрыч. Ему лишь случайно достался осколок... Что ж, когда-нибудь тайна откроется. В наше время все пишут мемуары, даже силовики и заговорщики. Пока же у Эдуарда была только версия...

Сейчас же политтехнолог покидал Россию. Оставаться в области ему казалось небезопасно. Хотя прямых угроз не было. Эдуард вполне отчётливо сознавал, что сам он только артефакт демократии. Тень. Но там, где нет предмета, нет и тени. Здесь он больше был не нужен. А потому уезжал советником к одному из президентов СНГ Спасибо Сэму Лейкину и зам. главы администрации.

Результаты выборов были официально объявлены после долгих мучений избиркома только на пятый день. Лидировал, как и показывал единственный экзитпул, кандидат от коммунистов, набравший около шести процентов голосов от общего числа избирателей при количестве проголосовавших меньше десяти. Коммунисты, впрочем, предпочитали считать по-другому, заявляя, что их поддержали две трети избирателей и что это замечательная победа. Народ начинает просыпаться и осознавать свои классовые интересы. Оппоненты соглашались: победа, но невесомая, пиррова, электорат, хоть и твердокаменный, всё больше скукоживается, подобно шагреновой коже. Ещё одни-другие такие выборы – и некому будет голосовать.

Споры эти, впрочем, носили вполне умозрительный характер. Ясно было: скоро голосовать не придётся. Губернаторских выборов больше не будет. Даже в порядке эксперимента. Но, главное, в тот же день стало ясно, что спорить вообще не о чем. По закону выборы были признаны несостоявшимися.

* * *

Эдуард, как всегда ухоженный, пахнувший дорогими духами, эдакий камильфо, ненадолго занесённый в убогую провинцию, зашёл к губернатору Садальскому проститься.

– Народ устал, – говорил наш краснобай. – Народ устал от XX века. От чуждой ему миссии, от великих побед и свершений. От бремени могучей империи. Кровавый наркотик сталинщины подстёгивал и гнал вперёд, но подрывал здоровье и истощал силы. Народ устал от непрерывных экспериментов. Устал от Лже-Моисеев, заблудившихся в Синайской пустыне. Со временем эйфория сменилась депрессией. Народ захотел частной жизни. С тех пор как коммунизм умер и даже намного раньше, у нас нет – и не предвидится – национальной идеи. По мне, так идея проста – стать маленькой, счастливой и сытой Бельгией. Эксперимент, задуманный зам. главы администрации, упал на нездоровую почву. К тому же – враги.

Губернатор Садальский (после срыва выборов он по закону оставался губернатором), раздавленный последними событиями, слушал Эдуарда молча. Мысли его были далеко. В Москве. Эдуарда он больше не хотел видеть. Эдуард был причиной его несчастий. Лишь услышав слово «враги», Садальский слегка встрепенулся.

– Враги? – переспросил он. – Кого ты имеешь в виду?

– Врагов демократии. Наш тайный ГКЧП. Он действует. Волнения не были случайными. Киллер, по моим данным, – Василий Кожемяко, комиссар-вождь Молодёжного фронта «Свои», слегка красный, слегка коричневый, но в целом – бесцветный. Заказчики...

Но губернатор предпочёл не заглядывать в бездну. Он медленно поднялся и холодно сказал Эдуарду:

– Мой киллер – ты.

* * *

После несостоявшихся выборов правду о беспорядках утаить стало невозможно. Ясно было, что эксперимент не удался и больше никаких экспериментов не будет. Застой. Откат. Вечное движение по кругу.

Дни губернаторства Геннадия Михайловича Садальского были сочтены. Он, не чаяв, волей судьбы угодил в реформаторы и не оправдал доверия – теперь ему предстояло заживо уйти в небытие вместе с несостоявшейся и немилрой его сердцу реформой. Садальский, сколько мог, сопротивлялся судьбе. Он отправился в Москву каяться и искать поддержки, всё валил на Эдуарда, на непонятливый народ и на некую третью силу. Как и Эдуард, губернатор Садальский тоже имел информацию, что беспорядки были спровоцированы. Однако зам. главы администрации было не до него. Тучи сгустились над самим кремлёвским вельможей, его обвиняли в волюнтаризме и в тайном потворстве либералам. Оскандалившегося губернатора он был готов принести в жертву. Однако, как известно, номенклатура бессмертна, даже если с некоторых пор она стала называться элитой. Хождение по коридорам и кабинетам принесло свои плоды. Садальского тихо перевели на малозаметную должность замминистра в Москву. Вернувшись в область, он написал заявление об отставке. На освободившееся место губернатора вместо Садальского был назначен председатель законодательного собрания Варяжников, окончательно замоливший грехи. Оставалось лишь подвести последнюю черту под экспериментом, оформить откат, так сказать, юридически.

В Госдуме при обсуждении эксперимента за выборы губернатора в отдельно взятой области в своё время высказалась лишь правящая партия. Остальные присоединились поневоле. Партии полуоппозиции почти до самого конца были против. Оно и понятно. Они ещё как-то могли надеяться на подковёрные варианты, но конкурировать на выборах не могли. Не хватало ни авторитета, ни властного ресурса. Теперь же настало время маленького реванша. Правящая партия сама предложила упразднить эксперимент. Следовательно, пришло время торговли.

От имени трио, хотя о тройке полуопозиционных младших партий нигде не упоминалось, выступал депутат Чичоев. Это был не очень известный либерал и демократ, зато табачно-алкогольный король, бывший спортсмен и вообще человек с весьма авторитетной репутацией. В Госдуме предыдущего созыва Чичоев занимал место от правящей партии, но, решив сэкономить, перешёл в стан приверженцев сына юриста. Теперь он излагал план очередной перенастройки механизма назначения губернаторов. Вообще-то Чичоев был за отмену закона об эксперименте, за сильную вертикаль и против губернаторских выборов, но, как истинный торговец, за свою позицию требовал оплаты.

– Мы – русские, – говорил депутат, – и демократия у нас особая, не такая, как у других.

Лёгкий шелест пронёсся по залу, депутаты не без удивления переглядывались. Но достойный ученик и подражатель стареющего, но по-прежнему самого харизматичного лидера, переждав оживление зала, продолжал с прежним пафосом:

– Мы – русские, с нами Бог. Он много нам дал – нефть, газ, обширные земли, лучшие в мире чернозёмы – и много от нас безропотно терпит. Наша традиция – не западный индивидуализм, а соборность и духовность. Бог на небе, и царь на земле. Наш герб – двуглавый орёл: двуединство президента и премьера. Наш гимн – это верность традиции, проявление плюрализма и толерантности. У нас нет оппозиции. Мы говорим разными словами, но мысли у нас общие: о Родине и о себе. Мы все поддерживаем одну власть. Поэтому наша власть может одинаково опереться на любую партию. А потому я предлагаю изменить порядок назначения губернаторов. Пусть президент выбирает по-прежнему из трёх кандидатур. Но из них только две кандидатуры предложит победившая на выборах партия, а третью пусть предлагают проигравшие. Это будет наша соборность. Справедливо, как в спорте, когда побеждает дружба.

После выступления Чичоева всё стало окончательно ясно. Спорить будут о другом, у эксперимента в Думе нет сторонников.

Голосование сразу во всех чтениях состоялось в тот же день. Депутаты единогласно отменили закон об эксперименте.

Итак – всё. Эксперимент окончен и похоронен. Велено забыть. Области предстояло возвращаться в общее стойло. Что, в общем, логично и понятно: в единой России закон должен быть для всех одинаков. Свобода не может быть привилегией. Оставалось лишь подвести последние итоги.

Выборы в областную думу состоялись в новоназначенный срок. Единственным сюрпризом на выборах на сей раз стал неожиданный успех либеральных демократов, превзошедший даже их результат девяносто третьего года. Знающие люди говорили, что успех мог быть ещё большим, если бы не председатель облизбиркома Тулинов. Бытовало, впрочем, и прямо противоположное мнение, будто достижение либеральных демократов было связано с тем, что всё тот же Тулинов, чистый гуманитарий, перепутал свои кнопки. Как бы там ни было, итоги выборов были утверждены и стали предметом детального обсуждения журналистами и политологами. Одно из мнений, банальное, было в том, что с отменой графы «против всех» на жириновцев работает протестное голосование. В области, пережившей эксперимент и шок от последующих беспорядков, протестных голосов, очевидно, должно быть особенно много. Однако мнение большинства аналитиков было иным. Список либеральных демократов возглавляла обаятельная Мессалина Андреева. Успех – это её заслуга; её и ночных бабочек, активно участвовавших в кампании. Электорат на сей раз оказался нестойким. Мессалина

Андреева в результате и стала вице-спикером думы. Поскольку к тому же бывшая кокетка оказалась среди депутатов единственной женщиной, народные представители иногда в шутку, а чаще на полном серьёзе говорили, что Мессалина Андреева – очаровательное лицо нашей молодой демократии. Они не догадывались, что повторяют то ли злую шутку, то ли пророчество Эдуарда.

Экономические итоги эксперимента и последующего отката подводил доцент Маликов. Журнал «Областная администрация» больше не выходил. Свою статью доцент опубликовал в «Экономическом журнале». Вопреки сухости науки об экономике, он был красноречив и лиричен. Видно было, что писал Маликов от чистого сердца, от печали за родную область и за Большую Россию. Сам Маликов, увы, оказался среди пострадавших от отмены эксперимента. Он начал серьёзную работу над докторской диссертацией, изучал влияние развития политических свобод в отдельно взятой области на экономику, теперь же тема стала неактуальной. Диссертацию пришлось отложить надолго, скорее всего навсегда, и браться за новую, не столь любимую тему.

Увы, прежние надежды автора смелой идеи ЗПС (зоны политической свободы) на быстрый экономический рост не оправдались. Область всё больше погружалась в депрессию. Между индексом ООО (отсутствия оптимистических ожиданий), изобретённым доцентом, и снижением ВВП в области учёному удалось обнаружить чёткую негативную корреляцию. Отмечалось снижение цен на недвижимость – на целых пятьдесят процентов. Резко упал туризм – почти в десять раз, переживали серьёзный спад общественное питание и гостиничный сектор, прекратилось строительство новых гостиниц, закрывались недавно открытые рестораны, снова росло число лиц, желающих переехать в Москву и упало до нуля – стремящихся переселиться в область. Лишь в секторе секс-услуг, как показали репрезентативные исследования, ввиду его инерционности количественное снижение было незначительным и скорее носило сезонный характер, зато отмечалась серьёзная дефляция. А это, по мнению автора, угрожало в будущем возможным обвалом. Росли, к сожалению, безработица и преступность, а чиновники, оказавшись вне демократического контроля, не принимали действенных мер. Словом, вынужден был сделать вывод доцент Маликов, свёртывание демократических процессов, падение ИОС (индекса ожидания свободы) и рост индекса ООО (отсутствия оптимистических ожиданий), отказ от ЗПС (зоны политической свободы) в окружении регионов с низким уровнем развития демократических институтов привели к резкому падению экономической активности и будут иметь как минимум среднесрочный депрессивный эффект. Соответственно, отмечал учёный, вместо обещанной модернизации происходит возврат к аграрно-сырьевой экономике.

Далее учёный перешёл к широким обобщениям. Во-первых, он обнаружил, что индекс инвестиционной активности (ИИА) в области, во время эксперимента значительно превысивший общероссийский, упал до уровня средних показателей по Федерации. Получается, с цифрами в руках доказывал доцент, что российская экономика задыхается от несвободы и что модернизация в стране под угрозой. На этом скрупулёзный доцент не остановился и в своих рассуждениях пошёл много дальше. Используя математические модели, он доказывал, что индекс экономической свободы (ИЭС), от которого привыкли плясать экономисты, вычисляя его связь с экономическим ростом, вовсе не первичен, как считалось до сих пор, и что этот индекс находится в обратной зависимости от другого, а именно от индекса коррупции (ИК). Именно этот индекс – ИК (индекс коррупции) и является базовым. А всё остальное по отношению к нему вторично. Так вот, коррупция губит и российскую свободу, и российскую демократию, и российскую экономику. Продолжая свои расчёты, доцент Маликов замахнулся даже на наше святое, то ли на великого Гоголя, то ли на Салтыкова-Щедрина, а может, и на неизвестного классика, прославившегося только этой крылатой фразой, – этот великий неизвестный, по утверждению автора, не владел математическим аппаратом, а потому по-дилетантски подошёл к российским бедам. Нет, вовсе не дураки и не плохие дороги, даже не инфраструктура

тура, а коррупция губит Россию, провозгласил учёный. А дураки и плохие дорогие – не причина, а следствие. Причём настоящих дураков во власти у нас не так много. Есть в избытке люди необразованные; есть депутаты, которые под видом дураков принимают плохие законы, чтобы набить карманы, или, наоборот, набивают карманы и за это принимают плохие законы или пишут запросы, и есть чиновники, которые под видом недоумков набивают свои карманы, преимущественно в заграничных банках. Словом, быть дураком – это такой весёленький бизнес у нас в России. А плохие дороги – это когда из-за воровства и коррупции плохо и очень дорого строят. Вот такая триада: коррупция, отсутствие свободы и мнимые дураки. Этот логический постулат под названием «триада Маликова» в скором времени даже вошёл в экономическую теорию и в литературу о российских экспериментах.

Закончил же статью увлечённый доцент и вовсе не как экономист, скорее как литератор: – Экспериментировать над тем, что в передовых странах давно открыто и известно, извращать эксперименты и вышибать из них деньги в пользу хитроумных экспериментаторов – это, пожалуй, и есть наше главное ноу-хау.

* * *

На этом, собственно, можно бы поставить жирную точку. Сценарий дописан до конца. Он реальнее, чем сама реальность. Осталось лишь представить автора, пронзающего многовидным взглядом непрозрачную тьму российской политической жизни.

* * *

Политолог Белкин, ещё молодой, далеко до сорока, но уже широко известный, особенно в кругах политиков и околополитической тусовки, профессор, наставник молодёжи, член многих Советов, Академий, обществ, палат, участник разных совещаний и многочисленных дискуссий, один из немногих причастных к реальной политике или, по крайней мере, к тому, что считается реальной политикой, тонкий интриган, игрок, человек, мягко говоря, с неоднозначной репутацией, выступал с обширным докладом о судьбе и перспективах российской демократии на заседании Совета по развитию демократических институтов и представительных органов власти. Это было событие если и не неординарное, то весьма значительное, потому что профессор Белкин был близок к кремлёвской администрации и тонко чувствовал тамошние настроения.

Послушать влиятельного коллегу собрались многочисленные политологи, эксперты, депутаты, учёные из околоправительственных институтов, прикормленные журналисты и другие приближённые к власти лица, даже несколько мнимых оппозиционеров, а в президиуме восседал сам заместитель главы администрации президента. Надо сказать, что слушателей интриговала не столько тема доклада – едва ли тут могло быть что-то принципиально новое – но, значительно больше личность докладчика и особенно распространившиеся в последнее время слухи о конфликте между Белкиным и зам. главы администрации президента. Возможный скандал, предмет разногласий между ними, ожидаемые последствия, подковёрная борьба в администрации – вот что больше всего волновало избранную публику.

Влиятельность Станислава Евгеньевича – так звали Белкина – связана была с тем, что он возглавлял им же созданный Центр Стратегических исследований (ЦСИ), некоторое подобие американских научных институтов, влияющих на большую политику.

Центр этот – завистливые коллеги нередко называли его Центросценарием или даже Центроапокалипсисом, а самого Белкина – апокалиптологом, – специализировался на изготовлении разнообразных сценариев: о перспективах развития страны, отдельных отраслей, политических партий, организаций, крупных компаний, политических тенденций, явлений,

избирательных кампаний, а также готовил доклады для правительства, министерств, ведомств и прочих заказчиков. Репутация Белкина как предсказателя и учёного была такова, что нередко его сценариями пользовались ООН, ЦРУ и некоторые другие зарубежные организации и ведомства. Однако, несмотря на свою влияние и обширные связи, Белкин всегда с демонстративной скромностью утверждал, что его Центр – исключительно коммерческая неправительственная организация, производящая такой же продукт, как все другие производственные компании. Он любил похвастаться, что умеет хорошо и дорого сбыть свои «изделия» и что клиенты у него – ого-го и сам он вхож в самые высокие кабинеты. Словом, политический, экономический и прочее удачливый коммивояжёр, а заодно и высокооплачиваемый лоббист.

Сценарии Белкина (готовили эти сценарии сотрудники Центра, или Фабрики, как он любил говорить, сам же Белкин в основном только добавлял этим сценариям креатива) шли нарасхват, хотя и не были слишком реалистичными. Сценарии с самого начала подразделялись на две категории – условно реалистические, где составители, чаще безуспешно, пытались предугадать реальность, и творческие (по выражению самого Белкина), где допускались разгул фантазии и гротеска. Смысл этих «творческих», иногда даже фантастических сценариев состоял в том, что в процессе их написания и прочтения – мозгового штурма – удавалось придумать-увидеть-предложить множество нетривиальных проектов и решений.

Коллеги-политологи Белкина не любили. В кулуарах его обвиняли в интриганстве и доношительстве. Так, в своё время, он первым составил полузакрытый доклад о «ЮКОСе». Впрочем, едва ли неприятности Ходорковского с Лебедевым стали следствием этого доклада, разве что бесталанные прокуроры кое-что позаимствовали у политолога-беллетриста. Говорили также, что незадолго до событий в Южной Осетии профессор Белкин подготовил очень объёмный сценарий и что якобы события в этой мятежной республике разворачивались до мелочей в соответствии с планом Белкина. Однако, возможно, это были только разговоры недоброжелателей. Сценарий Белкина никто из говоривших лично не видел, не было даже доказано, что этот компендиум существовал в природе. Единственное, что было известно точно, в ЦСИ незадолго до юго-осетинских событий работали несколько отставных генералов и полковников; с другими сотрудниками Центра они общались только через Белкина и исчезли за несколько дней до начала войны. Словом, пища для домыслов была, конечно, но довольно постная. Некоторые даже предполагали, что слухи об этом сценарии по своим каналам, через купленных журналистов, распространил сам Белкин – он был непревзойдённый мастер саморекламы. Говорили также, опять же без строгих доказательств, что несколько лет назад профессор Белкин своим сценарием сильно напугал высоких лиц в администрации несуществующим призраком оранжевых. Якобы предположил, что толпы исчезнувших к тому времени, как некогда гунны, демократов могут обложить Кремль. Но всё было почти тихо. Сначала думали, что пророк ошибся. Но нет, оказалось, что Белкин не ошибается, окольным путём он якобы предостерегал от монетизации льгот. Словом, настоящая пифия.

В отличие от многих других политологов Белкин был известен широким массам громко разрекламированными планами национализации, легализации секс-услуг, коммерциализации здравоохранения и другими весьма спорными идеями. Поговаривали, что с помощью Белкина очень влиятельные люди, оставаясь инкогнито, запускали пробные шары, часто с первого взгляда нелепые; потом идеи обкатывались в прессе, на телевидении, к ним постепенно привыкали, со временем эти прожекты как бы становились данностью. Роль сливного бачка политолог вообще играл с удовольствием, как язвили остряки из околполитической тусовки, даже с оргомом. Он часто писал статьи, любил появляться на телевидении и клясться мамой в своей честности – человек, бесспорно, яркий и умный, однако бессовестный и самовлюблённый. К тому же профессор Белкин периодически страдал довольно редкой формой косноязычия. Он говорил красиво и убедительно, но настолько двусмысленно, что вокруг него посто-

янно возникали скандалы и суды – политолог якобы регулярно бывал не так понят. Впрочем, нередко случалось, что Белкина действительно неправильно понимали.

Так вот, этот скандальный и одновременно влиятельный околополитический деятель стоял за кафедрой в почтенном собрании и произносил доклад о российской демократии.

– Нет реальных сил, выступающих против формирования в России высокоразвитой демократии, – Станислав Евгеньевич любил говорить парадоксами. – Но... – профессор сделал картинную паузу, – для одних демократия всего лишь продукт, как, например, чёрная икра, шампанское или устрицы. Понятно, не самой первой необходимости. Это для народа. А для верхов – процесс. Как ещё недавно строительство коммунизма. Вечное стремление к линии горизонта. В лучшем случае – долгострой. Это удобно. Не мешает здесь и сейчас, зато обязательно будет для будущих поколений. А вот и не будет, – усмехнулся политолог. – Человек в нашем изменяющемся мире самое консервативное звено. Менталитет меняется десятилетиями. Нельзя уродливой старухе проснуться очаровательной девушкой. Либо мы упраздним председателя облизбиркома Тулинова, либо он окончательно упразднит демократию. Третьего не дано. Я понимаю, не хочется... Я изложил вам, коллеги, один из возможных сценариев. Он значительно актуальнее, чем вы думаете. – Это был очень тонкий намёк на тесные связи Белкина в администрации и на тамошний кругооборот мысли. – Губернатор Садальский – не миф. С Эдуардом и Сэмом Лейкиным я отлично знаком лично. На роль Максима Плотникова – целая очередь...

Однако к чему он ведёт? Демократический поворот? Что-то случилось в тандеме? – шёпотом спросил несмышлёныш-практикант у известного политолога Семечкина.

– Скорее, иезуитский совет. Начать процесс. Вечный, бессмысленный как у Кафки. Может быть хитроумно лоббирует геев и ночных бабочек. Они-то режиму не опасны. Или скрытый донос на конкурирующую фирму политтехнологов.

– Вы копаете очень глубоко, – не то с восхищением, не то со скрытым сарказмом заметил практикант.

Семечкин пожал плечами. Он и сам был недоволен своими словами. Откуда такая желчь? Опять разучились говорить правду? Или это в нём говорит старое недоброжелательство к Белкину? Тот, в отличие от фрондёра Семечкина, всегда считался клеветником администрации. Однако на сей раз Белкин, странное дело, хоть и рисовался, но говорил правду. Какая бы у этой правды ни была подоплёка. Вот это и было удивительно Семечкину. Где здесь двойное дно? Зачем, с какой целью этот переменчивый человек без принципов, всадник апокалипсиса, как иногда величали его коллеги за апокалипсические сценарии, начал изображать из себя лилейного демократа? Получил приглашение в Гарвард или в Йель и решил на прощание расплываться? Или действительно крупно рассорился с Алхимиком: говорили, что Белкин претендовал на видное место в администрации, а зам. главы побоялся занять конкурента.

– Все эти речи, вся наша политика – буря в стакане воды, – неожиданно зло сказал Семечкин несмышлёнышу. – Истина в том, что наш русский социализм был плох, даже отвратителен, но олигархический капитализм ничуть не лучше. Система опять работает против народа. Не бывает демократии без нормального среднего класса. У нас опять пузырь. Раньше был пузырь супергосударства. Теперь – олигархов и бюрократов. А пузыри, как известно, лопаются.

– Как эхинококк, – уточнил практикант. – У меня отец хирург. Ленин-то был прав насчёт сращивания государства и капитала. В России, как всегда, самый тяжёлый случай.

Белкин между тем продолжал:

– Демократию, как говорил Максим Плотников, надо растить как экзотическое дерево. Во многих странах она давно не экзотика, а рабочий механизм по улучшению жизни общества. Выборы – не самоцель. Самоуправление – тоже. И свобода СМИ. И общественный контроль за чиновниками. Беда России – власть; ещё большая беда – оппозиция. Свобода у нас отчего-то не работает. Может, её слишком мало? Или пала в неравной борьбе с бюрократией?

... Железный занавес упал... и остался. Железный занавес – не пограничник с автоматом, а язык и культура. Мы все ещё бродим во тьме тысячелетнего раскола...

... Модернизация, – вдруг заулыбался Белкин, – ну да, модернизация... нынешняя система, – он слегка заикнулся, но тут же, сделав над собой усилие, сказал решительно, – условно говоря, путинизм – это модернизированный брежневизм...

... Шоу-демократия, шоу-капитализм, шоу-преемничество, – продолжал изгаляться Белкин, – впрочем, прогресс налицо, в девяностые годы был шоу-президент, а сейчас шоу – на среднемировом уровне...

Белкин закончил доклад, слегка поклонился и сошёл с кафедры. Коллеги-политологи переглянулись. Это был вызов. Обиженный чем-то Белкин, словно средневековый рыцарь, бросил перчатку Алхимику. Поднимет ли тот её? Состоится ли поединок?

Зам. главы администрации – именно в него пускал свои критические стрелы политолог в сценарии – ничем не выдал свои истинные чувства. Сидя в президиуме, он продолжал улыбаться, всем видом показывая, что даже польщён эскападами обидчивого профессора. Политологи, мол, как малые дети. Спорят, обижаются, бывает, дерзят, когда что-то не по ним, меняют взгляды по конъюнктуре или настроению, а караван идёт. Очень интересная наука политология, – Алхимик сам грыз её гранит уже в зрелом возрасте, – только истина всегда относительна. «Вспомнил про Россию, апокалиптолог... – зам. главы улыбнулся. – На наш век хватит».

– Вы, Станислав Евгеньевич – настоящий Гоголь. Смеётесь над нашими неокрепшими институтами, – придворный Макиавелли продолжал улыбаться, – смеяться не запрещено, особенно в узком дружеском собрании, где все – свои. Мы все, когда можно, либералы, все – демократы. Пусть у нас и авторитарная – помните Миграняна, – но всё-таки демократия. Однако всякий сарказм имеет свою причину. Как правило, субъективную. Ваш не от того ли, что как сами же изящно выразились, оказались в полуоппозиции. Очень по-человечески понятно. Вы ведь по природе Соловей, а не Гриша Добросклонов.

И добавил шутливо, почти поэтически: – Много лет бледные кони апокалипсиса якобы бродят по нашей земле. Вы один из немногих, кто их видит во тьме. Но это всего лишь мираж. На самом деле мы поднимаемся с коленей.

В зале раздались смешки. Многие, согласно улыбаясь, захлопали в ладоши. Но смех оборвался. Странная парочка, неотлично похожая на Соловья и губернатора Садальского, под руку направлялась к трибуне.

2010, лето-осень

Воспоминание (рассказ)

Это было давно, в другой жизни, в маленьком среднеазиатском городке – с белыми домами, пыльными деревьями, бесконечными полями хлопка, окружавшими город со всех сторон...

Летом городок плавился от солнца, стонал, беспокойно ворочался от духоты ночами. Чтобы уснуть, поливали водой полы, а чаще устраивались во дворах: даже в больших домах, двух- и трёхэтажных, чуть не каждый строил себе во дворе сарайчик, и ночные сны протекали при серебряном лунном свете под тонкое, как звон монист, журчание арыков. В особенно жаркие дни город вымирал. Все, кто мог, прятались по домам, уезжали в горы – невдалеке начинались отроги Тянь-Шаня или целыми днями пропадали на Зелёном мосту у жёлтого, мутного сая. Зато улицы, особенно в Старом городе, с глинобитными домиками без окон – и высокими, выше человеческого роста, дувалами становились совершенно пустыми. Лишь изредка по пыльным избитым мостовым медленно проходили ишаки, запряжённые в двухколёсные арбы с возницами в тубетейках и стёганных халатах.

И только базары и чайханы, расположившиеся в тени чинар, выглядели маленькими оазисами в раскалённом мареве.

В такие дни Старый город, этот последний раскалённый островок Востока, напоминал фантастический лунный пейзаж, испещрённый кратерами узеньких улочек. Посередине островка возвышалась громада бывшей мечети. В мечети давно жили люди, с минаретов в любую погоду свисали простыни и детское бельё, придавая ей вид дешёвой киношной декорации.

К вечеру, когда жара слегка спадала, город оживал, на улицах появлялись люди. Старый город оглашался детским многоголосьем, из парков и от автостанции тянуло ароматными дымками шашлыков, зазывно покрикивали торговцы чебуреками и восточными сладостями; вспыхивали огни, стайки подростков, лузгая семечки, собирались у кинотеатров, в парке начинало крутиться колесо обозрения, откуда как на ладони, словно сошедший с картин Сарьяна, был виден почти весь город, этот экзотический, многоязычный, грязноватый симбиоз России и Востока.

Но оживление обычно бывало недолгим: ночи на юге наступают рано, и город, уставший от дневного зноя, едва расправив лёгкие, торопился отойти к короткому освежающему сну.

К сентябрю ртутный столбик снижался градусам к тридцати. Начиналась пора свадеб, по утрам и вечерам протяжно дудели карнаи, пышно праздновали тои, базары ломились от изобилия – бесконечные ряды дынь, арбузов, гранатов и винограда, здесь же горы резаной моркови, лука, риса для плова, огромные тыквы, варятся лагман и манты, девчонки в тубетейках со множеством косичек продают только что выпеченные домашние лепёшки. Кажется, все только продают и почти никто не покупает.

Открывались и ковровые ярмарки, заполнявшие целые кварталы. Вместе с коврами торговали всякой всячиной. Особенно выделялись ряды с тубетейками, ножами с инкрустированными ручками и цветистыми восточными шелками. Люди, казалось, спешили насладиться короткой передышкой между летним зноем и хлопковой страдой, когда город снова станет почти необитаемым.

Обычно в начале сентября на месяц-полтора в городок приезжал цирк. Он раскидывал шатёр в единственном парке, и сразу вокруг начиналось столпотворение: приезжали целыми семьями из близлежащих кишлаков, приходили торговцы после ярмарок и базаров, валом валили школьники, горожане, привозили на автобусах ребят из соседних городков, – цирк был единственным доступным зрелищем, если не считать футбол.

Мы в школе узнавали о прибытии цирка раньше всех. Ещё за несколько дней до афиш в нашем классе появлялись два брата-близнеца Петя и Жора, кочевавшие с родителями вместе с цирком. Братья обычно держались особняком, чуть ли не каждый день сбегали с уроков и настолько ничего не смыслили в математике и физике, что наша учительница Евгения Петровна вскоре начинала хвататься за сердце и пить валокордин. Но зато на переменах, а иной раз и на уроках Жора с Петей демонстрировали удивительные фокусы: выплёвывали из пустого рта шарики, вытаскивали носовые платки из ушей, втирали чужие монеты в рукава, доставали неизвестно откуда у доски шпаргалки или с помощью зеркала списывали контрольные. Впрочем, фокус со списыванием удавался им не вполне: больше троек они никогда не получали.

В десятом классе вместе с Петей и Жорой появилась и Таня. Её родители были известными воздушными акробатами, и Таня уже несколько лет выступала с ними в совместном аттракционе. Меня Таня поразила с первого взгляда. У неё была прелестная фигура, изящная и гибкая, как у змейки, божественная походка, – когда она шла, все мужчины, забыв о собственных жёнах, не отрываясь смотрели ей вслед, и даже женщины восхищались и охали, – тёмные густые волосы, белая кожа, но самое главное – глаза. Глаза были большие, с лёгкой раскосинкой, необыкновенного зеленоватого оттенка, ласковые, и вместе с тем печальные. И ещё, помню, у Тани были необычайно густые и длинные ресницы. Словом, я влюбился с первого взгляда той необыкновенно чистой и робкой юношеской любовью, которая потом очень редко повторяется и в которой я боялся признаться даже самому себе. На взаимность я не рассчитывал. Я это слишком хорошо понимал. Так что даже не любовь у меня была, а лишь мечта. Прекрасная, чистая, несбыточная мечта. Ведь, в самом деле, не мог же я, обыкновенный стихоплёт, высокий и нескладный, висевший на кольцах как мешок и так и не научившийся перепрыгивать через коня, всерьёз мечтать о ней, бесстрашной, грациозной и блистающей.

Мысленно я все время разговаривал с Таней. Воображал, как мы идём рядом, держась за руки, и говорим о самом сокровенном... Или мечтаем вместе о будущем... Никогда ещё я не разговаривал так, как с Таней...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.